

ГЕНИЙ-СОЦИОФОб ПРОТИВ СЕРИЙНОГО УБИЙЦЫ

СИГНАЛ ИЗ ПРОШЛОГО

ВАСИЛИЙ КРИПТОНОВ

МИЛА БАЧУРОВА

Мила Бачурова
Василий Анатольевич Кристонов
Сигнал из прошлого
Серия «Неон», книга 1
Серия «Расследование вели двое»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69151477
Василий Кристонов, Мила Бачурова. Сигнал из прошлого:
Издательство АСТ; Москва; 2023
ISBN 978-5-17-153501-8

Аннотация

Первая книга из цикла романов о гениальном социопобе, вместе со своей неординарной командой занимающемся расследованием «висяков» многолетней давности и известном в Сети под ником Неон.

Смоленск. Наши дни. Город потрясает серия жестоких убийств, маньяк оставляет трупы в одном из центральных парков города. После каждого убийства местный предприниматель Денис получает письма с номерами: «1», «2»... Что дальше? И как все происходящее связано с аналогичными убийствами в далекие 90-е, когда одной из жертв маньяка стал отец Дениса? Сможет ли приезжий видеоблогер-социопоб отыскать убийцу раньше, чем тот завершит свой ритуал?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	21
Глава 3	31
Глава 4	43
Глава 5	52
Глава 6	62
Глава 7	71
Глава 8	81
Глава 9	94
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Василий Криптонов, Мила Бачурова Сигнал из прошлого

© Криптонов В., Бачурова М., 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Глава 1

– Там тепло, – сказала мама, проносясь мимо с кружкой кофе в руке.

– Угу, – отозвалась Даша, застегивая сапог.

А то она первый год тут живет. Сейчас тепло и солнце сияет, а через пять минут – ливанет как из ведра. И даже дизлайк некому поставить за такое отношение к конечному потребителю.

– Не дуйся, пожалуйста! – сказала мама, вновь образовавшись в прихожей, уже без кружки, но со смартфоном, в котором быстро что-то набирала. – Это всего один раз.

– Угу, – повторила Даша. – Когда я так говорю, ты отвечаешь: «Дорогая моя, есть тонкая граница между понятиями “один” и “первый”. Ее очень легко незаметно переступить!»

Голоса у Даши и мамы были похожи, и когда Даша хотела, могла даже выдать себя за маму в телефонном разговоре. Она, конечно, нечасто так делала. Всего один раз. Нет, не «первый», точно – один! Просто нужно было соврать родителям одноклассницы Алины, будто та идет ночевать к ней, а не... А не туда, куда Алина в действительности собралась.

Мама, услышав одну из своих любимых присказок, произнесенных ее же голосом, оторвала взгляд от экрана и укоризненно уставилась на дочь.

– Даш, это ради нашего же блага. Я, заметь, не на курорт

улетаю, а на работу.

Ну да. На курорт улетела какая-то мамина начальница, и на маму теперь свалилось в два раза больше работы, чем раньше. Но это бы еще ладно, к пустой квартире Даша давно привыкла. Хитрая начальница свалила на маму еще один довесок. И сейчас этот «довесок», валяющийся у ног Даши, раскатисто хрюкнул так, что девочка вздрогнула.

– Господи, ну почему он так делает?!

– Не знаю... – рассеянно отозвалась мама, опять с головой погружаясь в смартфон. – Что-то у них там с дыхательными путями... кажется... Ай, опаздываю! – и убежала в комнату, одеваться.

Угу... «Мы загрузили немного работы тебе в смартфон, чтобы ты могла работать, собираясь на работу».

Даша набросила куртку, обмотала вокруг шеи шарф и нагнулась, чтобы прицепить поводок. Пес, сообразив, что пришло время прогулки, немедленно вскочил на короткие кривые лапы, издав очередной неповторимый звук.

– Дурак ты. – Даша пристегнула карабин поводка к кольцу на ошейнике. – И морда у тебя дурацкая.

Пес в ответ гавкнул, вновь заставив Дашу подпрыгнуть.

Когда мама сказала, что пару недель у них поживет французский бульдог, Даша не на шутку запаниковала. Со словом «бульдог» у нее были связаны вполне определенные ассоциации. Здоровенная псина с могучими челюстями и взглядом убийцы. А если ей не понравится, что у нее сменились хозя-

ева? А если она решит сожрать этих фальшивых хозяев?!

Однако жизнь, как всегда, переиграла фантазию. От воображаемого Дашей чудовища у французского бульдога была только мрачная морда. Пес оказался мелким и, как с порога охарактеризовала его Даша, «стремным». Зато дружелюбия в нем было – хоть отбавляй. К Даше он привязался сразу же, первую ночь даже спал в ее комнате, храпя, как трактор.

* * *

На улице Даша заткнула уши новенькими «эйрподами» и, понадежнее перехватив поводок, направилась в сторону Реадовского парка.

И вправду тепло, даже без поправки на ранний час. Перейдя парковку, Даша расстегнула молнию на куртке. Весна наконец-то доползла до Смоленска. Долго в этом году ковыляла.

Гулять с собаками по бетонным дорожкам парка было запрещено – это Даша знала, хотя собак они с мамой никогда не держали. Большинство собаководов плевать хотели на запрет, однако Даше меньше всего хотелось напороться на стража порядка. Мало того, что приходится ни свет ни заря выгуливать это хрюкающее чудовище, так еще и штраф за него платить? Нет уж!

Даша прошла между двух уличных тренажеров и углубилась в лесок. Тропинка тянулась параллельно бетонной до-

рожке. Ну вот, уже лучше. Дальше, за курганом, есть специальная площадка для выгула собак, если верить маме. Мама любит все «специальное», она из тех, кто на необитаемом острове с голоду помрет, потому что дичь и фрукты там без *специальных* целлофановых упаковок, и на них не указаны срок годности и способ приготовления.

– Выгуливайся тут, – велела Даша семенящему рядом «довеску» и замедлила шаги.

Настроение против воли поднималось. Весенний лес оживал, наполнился запахами природы, жизни. То тут, то там проглядывала зелень. Все труднее было злиться на мамину начальницу, которая не захотела сдать своего питомца в собачью гостиницу, на маму, которая взвалила на себя столько, что уже ни спать, ни есть не успевает, не говоря уж о том, чтобы выгулять это микрочудище.

Микрочудище скатилось с тропы в сторону и застыло. Ну наконец-то. Даша остановилась, рассеянно слушая атмосферные переливы электронной музыки.

Заметив краем глаза движение, Даша повернула голову, и сердце на миг замерло. С бетонной дорожки прямо к ней шел Артем Макаров. И улыбался.

Кровь прилила к лицу, Даша еще раз мысленно прокляла все на свете – за то, что толком даже не причесалась, не говоря уже о том, чтобы накраситься, и за дурацкого «мопса», которого она держит на поводке именно сейчас, когда судьба наконец-то посылает ей шанс.

Губы Артема шевельнулись. Даша, спохватившись, коснулась пальцами наушника, и музыка заглохла.

– А? – только и сказала она.

– Привет, говорю, – улыбнулся Артем. – Твоя зверюга?

– А... Ага, – кивнула Даша.

«Да соберись же ты! – мысленно заорала на себя. – Он подумает, что ты дура, которая знает только две буквы!»

– Привет, – выдала Даша свой максимум красноречия в сложившейся ситуации.

Она уже представляла, как Артем, скучающе вздохнув, уйдет дарить свою любовь другой счастливнице. Но Артем, кажется, вовсе не заметил конфуза. Он присел на корточки, положил ладонь на загривок микрочудища и принялся его тормошить.

– Хор-р-роший! Я б себе такого же взял. Давно он у тебя?

– П-пару дней, – запнувшись, ответила Даша.

Она уже позабыла, что микрочудище – чужое, но следующий вопрос Артема заставил вспомнить:

– Почему взяли?

– Э-э-э... – озадачилась Даша. – За... десять? – ляпнула она наобум.

Артем присвистнул:

– Да ладно? Бракованный, что ли? Как тебя звать, малыш? А, вот, вижу: Макс, – прочел он имя на ошейнике.

Микрочудище дружелюбно хрюкало, рычало и лизало Артему руки. «Хоть один приличный двуногий нашелся», – го-

ворила его довольная физиономия.

– Нормальный он, – вступилась Даша за пса. – Там просто у знакомых ребенок. А у него – аллергия. И они...

«Господи, что я несу?!»

– Ясно. – Артем бегло взглянул на Дашу, и его взгляд показался ей заинтересованным.

Ну надо же, какое полезное микрочудище! Пожалуй, ему можно простить нелепый вид и даже оглушительный храп. Интересно, сколько такой на самом деле стоит? И сильно ли расстроится мамина начальница, если ей сказать, что Макс нечаянно попал под бульдозер и даже следов от него не осталось?..

Тем временем микрочудище, отдав долг приветствия Артему, вернулось к прерванным занятиям. Если бы ему вздумалось навалить сейчас кучу, Даша бы умерла со стыда. Однако пес усиленно тянул куда-то в гущу леса, издавая утробное ворчание.

– А ты что тут делаешь? – спросила Даша, стараясь отвлечь внимание Артема от микрочудища.

– Фотал, – коротко ответил он, как будто Даша, отойдя от собачьей темы, перешла некую запретную черту в разговоре.

– А-а-а... – Даша только сейчас заметила висевшую на плече Артема сумку с «зеркалкой». – Точно... Для проекта?

– Угу. Ну, и так. Вообще... – Артем встал, отряхнул руки и нахмурился, глядя на Макса. – Слушай, а куда он так рвется?

Этого Даша не знала, но рука от натянутого поводка уже начала болеть.

– Макс, фу! – прикрикнула она.

Макс окрик проигнорировал. По-прежнему тянул Дашу в лес.

– Постой. – Артем поднял руку. – Слышишь?

Даша прислушалась. За ворчанием и хрюканьем вредного микрочудища ей послышался какой-то писк. «Пи-пи-пи, пи-пи-пи», снова и снова. Даша вынула один наушник, и звук стал отчетливей.

– Игрушка какая-нибудь? – предположила она.

Брякнула – и тут же отругала себя. Теперь Артем уж точно решит, что она дура. Нужно было срочно что-то сказать, спросить, завязать настоящий разговор.

– А ты... – начала Даша.

Но тут микрочудище рванулось изо всех своих бульдозьих сил. Даша ойкнула и выпустила поводок.

– Стой! – крикнула она, но пес уже исчез в кустах.

– Засада! – рассмеялся Артем. – Пошли, поймаем. Далеко не убежит, не волнуйся. Поводком зацепится.

Артем вошел в заросли первым, Даша последовала за ним. Может, конечно, пока Артема больше интересует пес, чем она, но это – пока. И даже такое ничтожное совместное приключение не может не сблизить.

Как только кусты закончились, Артем резко остановился, Даша едва не уткнулась лицом ему в спину. Микрочудище

впереди знакомо хрюкнуло.

– Ты чего?

Даша встала рядом с Артемом, но прочувствовать этого прекрасного момента не успела. Артем не отвечал. Он стремительно побледнел. Даша посмотрела туда же, куда смотрел он.

Сердце второй раз за утро замерло, прежде чем припустить со всей силы, грохоча в висках, в ушах. Даже в глазах на мгновение потемнело.

Писк издавало устройство размером с полтора спичечных коробка, с маленьким жидкокристаллическим дисплеем. Устройство лежало в руке девушки, которая сидела, прислонившись спиной к дереву.

В ярко-желтом плаще, со светлыми волосами, рассыпавшимися по плечам. Под расстегнутым плащом виднелся свитер. Когда-то голубой – но об этом можно было лишь догадываться. Свитер был насквозь пропитан кровью. Красной, местами почти черной.

Микрочудище негромко, с достоинством гавкнуло, будто отмечая, что работа выполнена и неплохо бы получить за нее поощрение. Даша вцепилась в руку Артема, сама этого не заметив. Спихватилась, лишь ощутив движение – Артем расстегнул сумку.

– Что ты делаешь? – прошептала Даша.

Артем не отвечал. Кажется, Даша опять исчезла из его мира, где ненадолго появилась благодаря слюнявому псу.

– Ты с ума сошел? – Даша попятилась, поняв, что Артем собирается фотографировать труп.

Как бы парень ни старался скрыть волнение, руки у него дрожали.

– Я... сейчас, быстро, – пробормотал он, снимая крышку с объектива.

Крышка повисла на шнурке. Полыхнула вспышка. И в этот момент неподалеку что-то хрустнуло.

Похоже, одна и та же мысль одновременно пронеслась через головы Артема и Даши. Труп – это, конечно, неприятно до дрожи. Но возможность встретиться с тем, кто превратил в этот труп живого человека, неприятнее в тысячу раз.

– Это... просто ветка, – мгновенно побледнев, пробормотал Артем.

Кого убеждал, себя или Дашу, непонятно, но слушать дальше она не стала. Если до этого было просто страшно, то сейчас накрыло паническим, нестерпимым ужасом. Показалось, что из-за деревьев на нее смотрят глаза убийцы. Смотрят спокойно, с уверенностью в том, что жертве не уйти.

Даша завопила во все горло, развернулась и побежала обратно, к дорожке. Туда, где люди, цивилизация, где нет и не может быть ничего настолько страшного! Она рвалась сквозь кусты, не обращая внимания на ветви, хлещущие по лицу, на колючки, цепляющие новую куртку. Артем напирал сзади. Остаться один на один с убитой женщиной он тоже не захотел.

Выскочив на дорожку, Даша оступилась на бордюре. Упала, рассадив коленку, но боли пока не чувствовала. Огляделась по сторонам. Увидела резво удаляющегося бегуна в спортивном костюме. С другой стороны к Даше неспешно приближались бабушка с палкой и полная женщина с таксой на поводке. Люди. Цивилизация... Уф-ф. Страх если и не отпустил до конца, то по крайней мере позволил вернуться критической оценке действительности и дару речи.

«Микрочудище», – вспомнила Даша. И заорала:
– Макс!

Чуда не свершилось. Пес не прибежал, радостно хрюкая. Он остался там, где ему было интереснее. Даша не была ему хозяйкой, и реагировать на ее призывы он не считал нужным.

Даша вскочила на ноги. Мимо нее промелькнул Артем. Пронесся сломя голову – ему-то не нужно было думать о чужих собаках.

– Подожди! – выкрикнула Даша. – Я должна...

Она должна была отыскать Макса, за которого мама отвечала головой. Но не могла же вернуться на то место? Туда, где под деревом сидела женщина в залитом кровью свитере, а неподалеку хрустнула ветка? От одной только мысли о том, что придется это сделать, Дашу накрыло прежним ужасом.

Она смотрела, как Артем приближается к выходу из парка. Он даже не оглянулся. Глаза Даши наполнились слезами, горло сдавило.

«Трус и предатель!» – хотела крикнуть она, но не сумела.

Разревелась.

– Эй! Это ты кричала? Случилось чего?

Даша вздрогнула и обернулась. Перед ней стоял дедушка. Тот самый, с палкой. Не ее родной, конечно, – просто старик, однако про себя Даша привыкла называть его так. Имени «дедушки» она не знала, но встречала частенько. Он попадался ей по дороге в школу, из школы, иногда даже вечерами. Постоянно бродил по округе, несмотря на хромоту и сутулость.

– Ушиблась? – спросил дедушка.

– У меня собака убежала, – пожаловалась Даша. – И... и еще там женщина. Мертвая.

Она сумела только посмотреть в ту сторону. Показать рукой – это было уже невыполнимой задачей.

– Мертвая? – нахмурившись, переспросил дедушка. Оглядел Дашу с ног до головы – ее разбитую коленку, зацепки на куртке и зареванное, исцарапанное ветками лицо.

– Угу.

Дедушка пожевал сухими губами, его бесцветные глаза смотрели в мрачные заросли. Даша замерла, ожидая вердикта. Дедушка был взрослым, а значит, он по определению должен был знать, что делать.

– Ну, вызывай милицию, – вздохнул дедушка. Испуганным он не выглядел – как будто на него каждый день из кустов выскакивали девятиклассницы с рассказами о мертвых женщинах.

Как ни странно, этот простой совет помог успокоиться. Ведь верно. Простые действия. Достать телефон из кармана – раз. Разблокировать экран – два. Набрать номер...

Но как только к Даше обратилась живая – не робот – женщина-диспетчер, у нее вновь случился паралич речевого аппарата. Ничего, кроме «а» и «я», выдавить не получалось.

Дедушка решительно протянул руку и забрал у Даши смартфон.

– Да! – каркнул он в трубку. – Слушай, значит. Реадовский парк, тут, почти в середине аллеи, труп девочка нашла. Кто говорит? Я говорю. Девятайкин Олег Викторович. Ждем.

– А школа? – пробормотала Даша, когда Олег Викторович вернул ей смартфон.

Дедушка посмотрел с удивлением. Покачал головой:

– Чудное вы поколение... Я б в твои годы на голове стоял от радости, что можно школу прогулять.

Даша негромко рассмеялась – хотя ей было совсем не смешно. И подумала: «У меня, кажется, истерика».

Смех оборвался, как только со стороны леса послышался шорох. Даша уставилась на трясущиеся ветки кустов широко раскрытыми глазами. Вцепилась обеими руками в рукав Олега Викторовича. Она бы, наверное, снова завопила как резаная, но в следующую секунду из кустов выбрался Макс.

– Ну вот, – ободряюще сказал Олег Викторович. – Одной бедой меньше, да?

Микрочудище потрусил к Даше, хрюкая и облизываясь.

Облегчение от того, что из кустов вышел всего лишь пес, сменилось новой страшной мыслью.

«Почему он так облизывается? – подумала Даша. – И в чем это у него морда перепачкана?»

Мысль даже оформиться как следует не успела. Желудок свело страшной судорогой. Даша согнулась пополам, и ее вырвало прямо на асфальт, под ноги Олегу Викторовичу.

«Хорошо, что Артем не видит», – глупо промелькнуло в голове.

* * *

Он ждал.

Притаившись за деревом, сам такой же неподвижный, серый и мертвый, как оно. Только вот дерево скоро оживет, выпустит зеленую листву и потянется к солнцу. А он останется мертвым изнутри.

Много лет прошло с тех пор, как он умер. Много лет потребовалось ему, чтобы с этим смириться, и лишь тогда он получил возможность вернуться. О да, он умел ждать.

Девушка, сидевшая возле дерева в паре десятков метров от него, тоже умела ждать – он научил ее этому. Одним движением. Как будто и не было всех этих лет: руки вспомнили, что нужно делать, и все получилось безукоризненно.

– Безупречно, – шепнул он, когда сработал будильник.

Пронзительный писк далеко разносился по тихому и сон-

ному утреннему парку. Пальцы вцепились в жесткую кору дерева, кровь закипела в жилах, как когда-то. Он стиснул зубы и на секунду прикрыл глаза.

«Уйми свой щенячий восторг. Мы здесь не за этим».

Сердце нехотя подчинилось, его ритм успокоился, стал почти неосязаемым. Вот так, хорошо. Отлично.

Первой из кустов выскочила собака, если можно так назвать этого уродливого карлика. Она остановилась рядом с девушкой и призывно тявкнула, подзывая хозяев.

Чаще всего так и бывало – тела находили те, кто выгуливал собак поутру. И раньше он всякий раз боялся, не учует ли его пес, не кинется ли с лаем в глубь леса. Но каждый раз обходилось. Парк будто делал его своей частью, хранил его в своих тенях.

Сейчас нельзя на это рассчитывать. Нельзя больше приходить сюда и смотреть. Слишком многое поставлено на карту, слишком многое нужно успеть, и глупо ставить все под удар ради одного лишь удовольствия лицезреть ужас на лицах людей.

Их было двое. Дети совсем: пацан и девчонка. Замерли, как оглушенные, и раскрыли рты.

Он грустно улыбнулся. На месте недавнего восторга образовалась зияющая дыра, переполненная пустотой. За всем – пустота, и все – пустота. Нужно было оказаться здесь сегодня, чтобы окончательно это понять.

Зрение за прошедшие годы не утратило остроты, и он ви-

дел все в мельчайших деталях, видел даже «затычки» в ушах девчонки. Отгородилась, отрешилась от реальности, как будто ничего и не существует, кроме нее. Все они так – отгородились, спрятались и делают вид, будто живут в совершенном мире.

Да только это не так.

Пацан пошел еще дальше: достал фотоаппарат и подготовил к съемке. Девчонка что-то сказала, пацан ответил. Храбрится. Пытается показать, будто не боится смотреть в лицо смерти. Как это... по-детски.

Он медленно переместил носок ботинка в сторону и надавил. Хрустнула ветка. Девчонка вздрогнула и посмотрела прямо на него.

– Не бойся, – одними губами произнес он. – Я не трону тебя. Я лишь показал тебе реальность, от которой ты прячешься...

Девчонка не выдержала его взгляда, заорала и бросилась бежать. Парень рванул за ней. Рядом с телом остался только пес. Одно название... Карикатуры на людей проживают подобие жизни, а чтобы было не так скучно – заводят пародии на собак.

Пес приняохивался к труп. Попытался лизнуть кровь. Он не понимал, что случилось. Ему уже неизвестно было, что нужно поднять морду и выть. Или броситься вперед – изловить убийцу. Ну или хотя бы последовать за хозяевами. Все ушло. Все погибло.

«Ради этого ты пришел сюда? – спрашивал он себя, открыто шагая к собаке, обнюхивающей труп. – Ради этого простоял неподвижно час в промозглom парке, не дыша и даже останавливая ход мыслей?»

И сам же себе ответил: «Именно ради этого. Ради этой... пустоты».

– Пиел! – прошипел он, отвесив псу пинка.

Наклонился, сделал вид, что поднимает палку. Второй пинок не потребовался – пес, поглядев ему в глаза, мгновенно понял, кто тут главный. Потрусил прочь.

Он бросил последний взгляд на мертвое лицо девушки.

Через минуту до него снова донесся вопль. Орала все та же девчонка.

Развернувшись, он побрел прочь через лес. Дальше здесь разберутся без него, а ему пора начинать готовиться ко второму заходу. В этот раз все непросто. В этот раз каждая мелочь имеет значение.

Глава 2

Почему прошлое не может просто сгнить в прошлом?!

Денис сидел за рулем своего внедорожника. Уже почти час – без движения. Внушал себе, что не шевелиться – это и есть покой. Сначала сидел, положив руки на руль, а голову на руки. Но поясница скоро затекла, и Денис откинулся на спинку. Рассеянно посмотрел в окно. Серый день подходил к своему серому концу.

«Окончу школу – уеду в Питер! – чуть ли не каждый день говорила дочь. – Там тоже солнца не бывает, но это хотя бы Питер!»

Денис усмехнулся воспоминанию. Уехать... А если действительно – взять и уехать? В другой город? Потянется это дерьмо следом или сгниет здесь?

Услышав писк сигнализации, вздрогнул. Поморщился, бросил взгляд в пассажирское окно. Сосед поставил машину через два места от него. Захлопнул дверь, ушел. Дениса, сидящего за рулем, не заметил.

С соседом они были знакомы условно. Вот уже пять лет, с тех пор, как поселились здесь, в дорогой шикарной новостройке, время от времени встречались на парковке или в лифте, здоровались. Денис понятия не имел ни как зовут соседа, ни на каком этаже он живет. Знал только, что выше его, шестого. А еще он твердо знал, что сосед – счастливый чело-

век. Поставил машину, пошел домой. Возможно, по дороге проверит почтовый ящик. И не увидит там ничего – кроме вороха рекламных проспектов. Так же, как до сегодняшнего дня не видел Денис...

Он поймал себя на том, что снова взял проклятый конверт. Снова машинально сгибает и разгибает угол. Выругался, отбросил конверт на пассажирское сиденье.

Нужно собраться. Нужно идти домой. От того, что просидит в машине еще час или десять, ничего не изменится. Хватит заниматься самообманом. Осталось только решить, что делать с конвертом. Домой его нести точно не стоит. Сжечь бы, и дело с концом... Если бы все можно было сжечь. И прошлое, и настоящее.

Денис, подумав, открыл бардачок, покопался в нем и нащупал руководство по эксплуатации автомобиля – увесистый журнал, который вытащил, кажется, впервые в жизни. Сунул конверт между мелованными страницами. Убрал журнал обратно в бардачок.

В лифте, пока ехал, придирчиво изучал свое отражение в зеркале. Нормально... Кажется. Пару лет назад, отметив очередной день рождения, Денис заметил, что начал седеть, лысеть и поправляться – все одновременно. Но слишком далеко процесс пока не зашел: седина едва пробивалась, живот над ремнем и залысины на висках только-только обозначились. Выглядел Денис моложаво, и на свое отражение в зеркале обычно смотрел с удовольствием. Обычно...

Лифт открыл двери, Денис стоял, глядя в зеркало. В конце концов решил, что ужас, пережитый час назад, на лице уже не отражается. Лицо усталое – но хоть не перекошенное, как наверняка было в момент, когда он открыл конверт. С таким лицом, как сейчас, уже можно идти домой, не боясь перепуганных всплесков руками: «Господи, что случилось?!»

Открыл дверь, вошел. Лена выглянула из кухни:

– Привет. Поздновато ты.

– Задержался. – Денис подошел к жене, привычно коснулся губами щеки.

– Ужинать будешь?

– Конечно. Почему нет? – Вопрос прозвучал резче, чем хотелось.

– Ну... не знаю, – удивилась Лена. – Может, заезжал куда. Переодевайся, сейчас все погреею.

Скрылась в кухне.

Настя отца встречать не вышла. Давно уже таким не балует, прошли времена, когда неслась через всю квартиру навстречу: «Па-а-па прише-о-ол!»

Сейчас, небось, и не слышала, что он уже дома. Наверняка сидит в наушниках. Если соизволит заметить отца, бросит сквозь зубы: «Привет». На дежурный вопрос: «Как дела, как школа?» процедит: «Нормально». И снова уткнется в ноутбук или телефон. Все вместе это называется «переходный возраст».

В последнее время Денис нередко ловил себя на мысли,

что его так и подмывает сорвать с дочери наушники, схватить за плечи и трясти – долго, пока не вытрясет всю дурь. Пока не заставит обратить внимание на себя, а не на телефон с ноутбуком!

Сдерживался. Знал, что никогда так не сделает. Давным-давно, еще в детстве, во время очередной ссоры с отцом поклялся себе, что на своего ребенка никогда не поднимет руку. Повышать на Настю голос случалось, в последнее время все чаще. Бесила строптивость дочери, ее подчеркнута независимое «взрослое» поведение. Вызывающая одежда, дурацкие хвостики из розовых волос. Подружки – такие же чокнутые, блажь под гордым названием «волонтерство»... Иногда у Дениса не получалось сдержаться, он срывался. Но распускать руки себе не позволял.

– Привет, – сказал, заглянув в Настину комнату.

Дочь сидела за столом перед ноутбуком. На голове неизменный атрибут – огромные наушники. Бросила, не оборачиваясь:

– Привет.

– Как дела, как школа? – Денис подавил подступающее раздражение, постарался, чтобы голос звучал дружелюбно.

– Нормально.

И снова – хоть бы повернулась.

Ладно, черт с ней. Хотя бы дома сидит, а не лазит неизвестно где. Приветственный ритуал соблюден.

Денис вышел в коридор. Оглянувшись – Лена по-прежнему

му на кухне, слышно, как чем-то там гремит, – быстро прошел к себе в кабинет. Закрыл дверь, выдвинул ящик стола. И обомлел.

Не веря глазам, трясущимися руками вынул часы. Идиотский гаджет, ненадолго вошедший в моду четверть века тому назад: электронные часы-будильник в виде пейджера. В девяностые их носили на цепочке, которую цепляли на ремень. Носили едва ли пару лет: мода пришла и ушла, а толку от странного девайса было немного.

Денис вынул одни часы, другие... И все. Третьих часов не было.

Он принялся копаться в ящике, понял, что стоять согнувшись неудобно, со злостью дернул ящик на себя. Перевернул, высыпал содержимое на пол.

По паркету из натурального дуба разлетелись блокноты, стикеры, старые ежедневники, покатались ручки и карандаши, флешки, маркеры, бейджики с выставок, какая-то сувенирная дребедень.

Часов не было.

Денис принялся выдвигать другие ящики. Он перепутал, просто перепутал! Сунул часы не в верхний ящик, а в какой-то другой!

Часов не было. Денис почувствовал, как ледяной холод запустил щупальца под кожу.

Денис, в пиджаке и рубашке, которые так и не успел снять, и в домашних тапочках вылетел из квартиры. Не добежав до лифта, сраженный панической мыслью, вернулся. Распахнул дверь, крикнул:

– Запритесь! Быстро! Никому не открывать!

– Что? – На пороге кухни показалась изумленная Лена, на левой руке у нее была надета варежка-прихватка, в правой жена держала пластиковую лопатку с прорезями. – Господи, Дэн! Ты чего? Что случилось?

– Я сказал: никому не открывать! Понятно?! – рявкнул он.

Схватил с подзеркальника свои ключи. Захлопнул дверь снаружи и запер на оба замка. Пока дожидался лифта, набрал в телефоне: «срочная смена замков». Позвонил по первому же попавшемуся номеру. Назвал адрес, попросил приехать как можно скорее. Заполошный звонок Лены сбросил.

На парковке прыгнул в машину, завел – и только тут понял, что на ногах у него тапочки. Войлочные, с загнутыми кверху носами – Лена купила их на рынке в Самарканде, когда прошлой осенью они путешествовали по Средней Азии.

Ладно, плевать. Он уже знал, куда поедет: недалеко от дома находилась площадка, где обучали вождению. Только бы там никого не было! Только бы не принесло какого-нибудь особо ретивого инструктора с учеником!

Повезло. В девять часов вечера площадка ожидаемо пуствовала.

Денис, не глуша мотор, вышел из машины. Пристроил на асфальте у передних колес часы: одни под правое колесо, другие под левое. Снова сел за руль. Тронулся. Вожденный хруст не столько услышал, сколько почувствовал.

Двинулся назад. И снова вперед. И снова назад. Катался до тех пор, пока не донесся откуда-то странный звук. Денис вдруг понял, что это он сам подбивает сквозь зубы.

Замолчал. Со злостью воткнул заднюю, рванул так, что машина едва не подпрыгнула. Откатился метров на пять. Вышел и осмотрел асфальт. Все, что осталось от часов, – два пятна черной даже не крошки, а скорее пыли. Денис выдохнул. Вытер пот со лба и поехал домой.

* * *

– Так что случилось? Дэн!

– Ничего, – процедил Денис.

Рабочие, поменявшие дверные замки и установившие в квартире сигнализацию, только что ушли. Приехали они действительно очень быстро: пока Денис ставил машину, увидел, что к подъезду подходят два мужика в рабочих спецовках. Должно быть, менеджер в конторе по установке замков, узнав, на какой адрес вызов, быстро прикинул, что к чему, а сейчас радостно потирал руки. Денису продали пол-

ный пакет: новейшей системы замки и сигнализацию, плюс установку. Цена Дениса не интересовала. Спросил, сколько, оплатил и тут же забыл. Если бы сейчас поинтересовались, вряд ли сумел бы ответить, в какую сумму обошлась установка. Но работяг не отпускал до тех пор, пока они трижды не продемонстрировали срабатывание сигнализации.

– Да не волнуйся, хозяин, – добродушно успокоил Дениса работяга постарше, полный и усатый. – Надежно, как в банке. Мышь – и та не пролезет.

Денис сумел улыбнуться и сунул мужику какую-то купюру.

– Так что? – Лена села рядом с ним, на диван в кабинете. Заглянула в глаза. – На работе что-то?

– Нет. – Денис мотнул головой.

Больше всего ему сейчас хотелось заорать: «Да отстань ты от меня!», но такого обращения жена не заслуживала. Она-то уж точно ни в чем не виновата.

– Просто понервничал немного. Случился тут... прецедент. Обокрали одного знакомого.

– Господи, кого?! – ахнула Лена.

– Да ты его не знаешь. Он из Питера, пересекались как-то по делу. Сегодня вот позвонил, рассказал. Я и решил, на всякий случай... Мало ли что.

– Ох, ну так бы сразу и сказал! А то я до того перепугалась, когда ты выбежал, не знала, что и думать. – Жена заметно успокоилась, тревожные морщинки на лице разгладились. –

Кушать-то будешь?

– Нет. Не хочу. – При мысли о еде к горлу подступила тошнота, Денис вдруг понял, что не сможет проглотить ни кусочка. – Пока носился, вспомнил, что по работе надо кое-что сделать. Потом, может... Иди, там твой сериал начинается.

Из глубины квартиры действительно доносилась знакомая мелодия заставки. Очередная бесконечная фигня про бедную, но гордую Машу, которую полюбил красавец-миллионер. Лена обожала такие истории.

– Ну ладно. Не засиживайся. – Жена чмокнула Дениса в щеку и ушла.

Он встал, закрыл дверь кабинета. Снова рухнул на диван, стиснул голову руками. В висках ломило. Денис выдвинул ящик стола, нашел блистер с таблетками. Кинул одну в рот, разжевал – знакомый врач учил, что через слизистую лекарства впитываются быстрее, чем через желудок. От горечи таблетки сводило скулы. Денис закрыл глаза, стал ждать, пока препарат подействует.

Но едва опустил веки – навалился главный кошмар сегодняшнего вечера. Конверт, вытащенный из почтового ящика. Денис не сразу заметил его в ворохе рекламных проспектов, а заметив, удивился – что это, кому?

Картинка с новогодними шариками и надпись: «Поздравляю с Новым годом!» В апреле-то месяце, ага. Ни адреса, ни имени. Даже не заклеен. Перепутали?.. Денис открыл кон-

верт. Вытащил сложенный вдвое лист бумаги, из которого чуть не выпала фотография, он едва успел ее подхватить.

Рассмотрев изображение, не поверил глазам, даже зажмурился. А открыв глаза и поняв, что кошмар ему не привиделся, дико заозирался по сторонам. Показалось вдруг, что именно сейчас к почтовым ящикам сбегутся все соседи, и каждый заглянет ему через плечо и увидит то же, что и он!

Денис сунул конверт, бумажный лист и фотографию во внутренний карман пальто. Вылетел из подъезда, бросился к машине. Скорее туда, где никто не увидит ни его, ни жуткое содержимое конверта! В тот момент показалось, что внедорожник – это самое надежное убежище.

Сев на водительское сиденье и отдышавшись, Денис вытащил конверт из кармана. В глубине души еще теплилась надежда: вдруг почудилось? Вдруг не ему, вдруг какая-то ошибка?!

Нет. Не почудилось. Окровавленный нож, запечатленный на фотографии, он узнал бы из тысячи.

Денис развернул лист, ожидая хоть каких-то объяснений. Решил для себя, что готов ко всему... Ошибся. Никаких объяснений лист не содержал. Он не содержал вообще никакого текста. Только здоровенную, распечатанную во всю страницу цифру: «1».

Глава 3

Ночью Денис почти не спал, задремать удалось лишь под утро. Проснулся от вибрации телефона, звук он обычно отключал. Единственный короткий сигнал – сообщение. У Дениса упало сердце, кровь бешено застучала в висках. Что там? В такую рань ему никто не звонит и не пишет! Схватил телефон, дрожащим пальцем чиркнул по экрану.

«Центральное УГМС: до 9 часов утра 7 апреля в г. Смоленске ожидается шквалистое усиление ветра до 23 м/с. Не укрывайтесь и не паркуйте автотранспорт под...»

Да чтоб вы сдохли со своими предупреждениями! Денис, застав от облегчения, опустил руку с телефоном. Услышал, как с другой стороны кровати пиликнул лежащий на тумбочке телефон Лены – заботливый УГМС, видимо, предупредил и ее. Жена не проснулась, а Денис больше не заснул. Поднялся, выпил чашку кофе. Съесть ничего так и не смог. Поехал на работу.

* * *

Денис начинал бизнес еще в девяностые, зеленым пацаном. Напористость, целеустремленность, много труда и толлика удачи. Итог – самая крупная в Смоленске сеть магази-

нов по продаже телефонов и сопутствующих гаджетов. Три года назад Денис вложился в большой проект, построил собственный торговый центр. Самый крупный магазин перенес туда, остальные площади сдавал арендаторам. А часть первого этажа выделил себе под офис.

Работа его всегда успокаивала, помогала отвлечься. Вот и сейчас – стоило сесть за стол, углубиться в текущие дела, как пережитый стресс не то чтобы отступил, но забился куда-то в глубины памяти. В дальний закуток с надписью «подумаю об этом позже».

Денис позвонил секретарю Тане, попросил заказать ему завтрак. С удовольствием умял бургер и салат. Допивал свежесжатый сок, когда телефон на столе осторожно тренькнул. Денис нажал кнопку громкой связи.

– Поел, спасибо. Можешь забрать посуду.

– Денис Валентинович...

Опять. Денис не смог бы ответить на вопрос, как именно он это понял. По неуверенной интонации, по звучанию голоса Тани? Но твердо знал одно: случилась какая-то дрянь. И она точно имеет отношение к конверту, полученному вчера.

Отодвинул стакан, напряженно спросил:

– Что?

– Тут к вам мужчина. Говорит, что из полиции...

Денис сглотнул. Рука судорожно дернулась в сторону мобильного. Взял телефон, потом, подумав, отложил. Звонить адвокату – означает продемонстрировать, что ему есть что

скрывать. Нет. Ни в коем случае. Он порядочный, законопослушный человек. Он понятия не имеет, чем может заинтересовать полицию.

– Из полиции? Что ж, таким гостям отказывать не принято. – Денис сделал над собой усилие, постарался, чтобы голос прозвучал шутливо. – Приглашай.

– Хорошо. – Таня положила трубку.

Через несколько секунд в дверь постучали. Дежурно, уверенно, давая понять, что разрешение войти – чистая формальность. Вошел молодой мужик в штатском, лет тридцати или чуть больше. Поверх толстовки и джинсов – кожаная куртка, на плече – плоская сумка, в каких обычно носят ноутбуки. В руке вошедший держал развернутое удостоверение.

– Добрый день. Старший лейтенант Никитин, уголовная полиция.

– Добрый день. – Денис поднялся из-за стола, перегнулся, пожал протянутую руку. – Мне представляться, полагаю, не нужно?

– Обязательно нужно. Белов Денис Валентинович?

– Он самый.

– Документы предъявить можете?

– Разумеется.

Денис подошел к стоящей в углу кабинета вешалке, вынул из внутреннего кармана пальто бумажник. Открыл, протянул лейтенанту Никитину. Тот заглянул в паспорт, кивнул:

– Спасибо.

– Таня не предложила вам раздеться?

– Нет. Растерялась, видимо.

– Видимо, – улыбнулся Денис. – Не каждый день у нас такие гости. – Кивнул на вешалку: – Прошу. У меня тут жарковато.

– Благодарю. – Лейтенант Никитин снял куртку, пристроил на вешалку.

Денис заметил, что куртка мокрая – дождь не прекращался с самого утра. Значит, парень пешком, не на машине. Невысокого полета птица – это, впрочем, и по званию ясно. Что ж, уже хорошо.

– Чай, кофе?

– Ничего не нужно, спасибо. У меня к вам несколько вопросов.

Никитин по-хозяйски оглядел кабинет, без спроса присел в кресло для посетителей, стоящее перед столом Дениса. Из сумки для ноутбука вытащил блокнот.

– Когда вы в последний раз видели Ирину Конюхову?

– Кого, простите? – удивился Денис.

– Конюхова Ирина Валерьевна, – терпеливо повторил Никитин, – девяносто восьмого года рождения. Работала продавцом в вашей торговой точке по адресу улица Крупской, дом тринадцать. Когда вы ее видели в последний раз?

– Да, честно говоря, сомневаюсь, что вообще ее видел... То есть, – поправился Денис, – я хочу сказать, что, может,

конечно, и видел, но не помню ни лица, ни имени. У меня шесть торговых точек, продавцы нередко меняются. А почему вы спрашиваете? Что случилось?

– Ее обнаружили утром шестого апреля в Реадовском парке. Убита.

Денис молча смотрел на оперативника, не в силах сказать ни слова. Мысли, одна за другой, рождались и умирали, не успев обратиться в слова.

Как расценил молчание Никитин, неизвестно, его гладко выбритое лицо не выражало никаких эмоций. Подождав и, очевидно, придя к выводу, что комментарии от Дениса не дождется, он снова открыл сумку и вытащил стопку фотографий. Неторопливо принялся раскладывать на столе перед Денисом.

Лесной массив. Голый, ни листка, ни травинки – снег сошел недавно. На земле под деревом сидит молодая женщина с перерезанным горлом. Голова женщины запрокинута, свитер под распахнутым желтым плащом густо залила кровь. Денис почувствовал подступающую тошноту, прижал руку ко рту.

Лейтенант Никитин внимательно за ним наблюдал. И вдруг резко спросил:

– Где вы были в ночь на шестое апреля?

– На шестое апреля? – повторил Денис.

Суть вопроса понял не сразу. Он не мог отвести взгляд от фотографий. Пытался – и не мог. Шестое или двадцать

шестое, апреля или января – сейчас все было едино. Даты не желали обретать привязку к реальности.

– Сегодня седьмое, – сказал Никитин. – Шестое, соответственно, было вчера. Так где вы находились прошлой ночью?

– Дома. Где еще я мог находиться?

– Понятия не имею. – Никитин развел руками. – Потому и спрашиваю. Кто может подтвердить, что вы были дома?

– Жена. Дочь... Да кто угодно, господи! Вот уже много лет я не бываю по ночам нигде, кроме собственного дома.

– Даже в отпуск не ездите?

– Что, простите?

– Ну, вы сказали, что вот уже много лет нигде не бываете. То есть, не ездите ни в командировки, ни в отпуск?

– Не цепляйтесь к словам! – рассердился Денис. – Езжу, разумеется. Но это ведь не то, что вас интересует.

– Меня интересует ночь на шестое апреля.

– Я уже сказал. Я был дома! Могу узнать, почему вы спрашиваете именно меня?

– А кого, по-вашему, мы должны спрашивать?

– Не знаю, это не моя работа. Но в моем представлении работодатель – последний человек, к которому стоит обращаться с подобным вопросом, тем более что мы даже не были знакомы лично. Опрашивайте подруг этой девушки, родственников. Я-то здесь при чем?

Плохим выходил разговор. И плохим был взгляд следователя. Цепкий, внимательный, изучающий.

Денис понимал, что должен вести себя ровнее. Не должен психовать, невинные люди так себя не ведут! Но ничего не мог с собой поделать. Взгляд будто магнитом тянуло, он возвращался и возвращался к фотографиям.

– Друзей и родственников мы уже опросили.

– Безрезультатно, видимо?

– Увы. Теперь идем, так сказать, широким кругом.

– В моем случае вы определенно промахнулись. – Денис постарался улыбнуться. – Эту девушку я не знал, гулять ночами в парках не имею привычки. Если понадобится, можете опросить моих жену и дочь, проверить камеры с подъезда.

– Если понадобится, мы проверим все, – без тени улыбки пообещал Никитин. – И еще один вопрос. Вы в последнее время ничего необычного не замечали?

Денис едва сдержал истерический смешок.

Ничего! Ровным счетом ничего.

Фотографии окровавленных ножей в почтовом ящике, пропажа часов из квартиры, запертой на все замки, – совершенно обычное дело.

Он покачал головой:

– Нет. Не замечал. Работа, дом – все, как всегда.

– Что ж, на нет и суда нет. – Никитин поднялся. – Если припомните или вдруг увидите что-то необычное или настояжывающее – свяжитесь, пожалуйста, со мной. – Он протянул визитную карточку с именем и номером телефона.

– Непременно.

– Всего доброго.

Никитин собрал со стола фотографии, закрыл блокнот – в который, кажется, не записал ни слова, – надел куртку и ушел.

Когда за следователем закрылась дверь, Денис опустился в кресло и мысленно сосчитал до десяти. Десяти секунд обычно хватает раздолбаям или хладнокровно-расчетливым тварям, чтобы вернуться, потому что они что-то забыли. Или притворились, что забыли.

Но дверь не открывалась.

Денис опустил голову, обхватил ее ладонями и постарался глубоко дышать.

Голова шла кругом. Казалось, руками ее не удержишь.

Убийство. Реадовский парк. Пропавшие часы – на фотографиях, которые показывал следователь, Денис их не видел, но это ведь ничего не значит. Письмо. Черт... Черт!

Денис тихонько завыл сквозь стиснутые зубы. Безумно хотелось внушить себе, что все это – какое-то нелепое совпадение, что кошмары из прошлого не оживают, это ведь не какое-то дурацкое кино! Двадцать пять лет прошло. И почему именно сейчас? Почему именно он?!

Выдохнул. Так... Ладно. Прежде всего нужно убедиться, что больше подобного не повторится. Дьявол начал свою игру, но он же сам сковал себя правилами.

Денис вышел в приемную, закрыв за собой дверь. Рассеянно посмотрел на Таню, сидящую за столом.

– Пройдусь, – объявил кратко.

– С филиала на Крупской звонили, – осторожно напомнила Таня. – Говорят...

– Знаю. – Денис потер лоб рукой. – Напиши кадрам, чтобы открывали вакансию.

– Поняла... – Секретарь что-то черкнула на бумажке. – То есть сотрудницу увольняем? Всего один прогул...

– Это не прогул. Она больше не выйдет на работу.

Таня непонимающе захлопала глазами. Но от вопроса удержалась, молодец.

– Открывайте вакансию, – повторил Денис.

И быстрыми шагами вышел из приемной.

«Моя работница, – думал, шагая по коридору. – Совпадение? Что из всего этого – совпадение, а что – нет?»

Соблазнительные мысли, но он прогнал их. Денис стал тем, кем стал, не потому, что надеялся на чудо и списывал закономерности на совпадения, а потому, что трезво смотрел на вещи. И действовал так, как того требовали обстоятельства.

Он вышел в зал. До полудня народу здесь немного, и основная масса тянется в супермаркет, за продуктами. Первая и основная торговая точка, открытая Денисом, пустует, продавцы протирают витрины, переставляют товар.

Посмотрев на них несколько секунд, Денис двинулся дальше. Мимо отдела косметики, нижнего белья, спортивных товаров (до сих пор закрыт, парень вечно опаздывает,

надо бы сказать Тиграну), чая и кофе, мимо игрового автомата «вытащи мягкую игрушку, потратив на это в три раза больше, чем она стоит в магазине».

Путь через торговый центр неизменно доставлял ему удовольствие – идти среди других людей, даже не подозревающих, что здание целиком принадлежит ему, Денису Белову. Отец гордился своей фамилией, своими предками. Он и собой когда-то гордился – при советской власти занимал у себя в НИИ серьезную должность, а сына прочил в преемники... Не сложилось. Как и у многих. В те годы судьбы летели под откос неумолимо и быстро.

Денис направлялся к крохотному отделу, который всегда открывался вовремя, каждый день – несмотря на то что очереди к нему не стояли. Старой закалки человек. Один из тех, кого Родина выбросила на обочину, не оценив годы, потраченные на службу ее интересам.

Аркадий Михайлович – или просто Михалыч – торговал электроникой. В ней он разбирался, наверное, даже любил ее. Пульты, приставки, радиоприемники – рудименты из навсегда ушедших эпох. А еще – зарядники, бэушные смартфоны и кнопочные звонилки по бросовым ценам и многое, многое другое.

«Лавка» Михалыча напоминала сундук с сокровищами, где было великое множество чего угодно, причем практическая ценность этого «чего угодно» уверенно стремилась к нулю. Аренду в «Астролябии» Михалыч не потянул бы при

всем желаний, но Денис как старому – еще отцовскому – другу сдавал ему точку за чисто символическую плату.

– Привет, Михалыч, – окликнул, перегнувшись через прилавок. – Как бизнес?

Михалыч бросил на Дениса недовольный взгляд. Всегда так смотрел, когда его отрывали от работы. Сейчас ковырялся во внутренностях старинного телевизора «Рассвет». На столе стояла старенькая «цешка», лежала отвертка.

– Потихонечку, – сказал Михалыч, пожав руку Денису.

– Это что, еще у кого-то такие остались? – кивнул Денис на телик.

– Представь, – хмыкнул Михалыч. – У дамы одной на кухне стоит. Третий раз уж делаю.

– А чего цветной не купит?

– Глаза у нее от цветного болят, говорит. И потом, сколько твой цветной стоит? А этому лампу сменить – три копейки.

– Скоро, говорят, все телевидение в цифру переведут, – сказал Денис.

– Слыхал. Ну... заставь дурака богу молиться, – вздохнул Михалыч.

Посчитав светские приличия соблюденными, Денис как бы невзначай начал разговор, который привел его сюда.

– Михалыч, а помнишь те часы? Ну, которые я у тебя покупал неделю назад. Дурацкие такие, вроде пейджера, ты их еще «приветом из девяностых» обозвал. Не осталось больше?

В тот день Денис впервые за долгие годы ощутил, как земля уходит у него из-под ног. Он шел на обед через зал, но вдруг остановился, услышав резкий, немелодичный писк. Повернул голову и увидел их в руках Михалыча. Часы. Те самые часы...

– Да ну, – покачал головой Михалыч. – Откуда? Те-то случайно попались. Их уже сто лет не производят.

– Точно? – Денис не выдержал, уставился на старого приятеля так, будто хотел пронзить взглядом насквозь.

– Да на кой они тебе? – изумился Михалыч. – В телефонах же сейчас всё. Ну или купи себе эти, как браслет которые. Они тебе еще и пульс замерят, чтобы знал, живой еще, нет ли.

– Не... – Денис заставил себя рассмеяться. – Этого не надо. Я мыслю – значит, я существую.

Михалыч отчего-то смеха не поддержал.

– Существовать – дело нехитрое, – проворчал он. – Все существуют. А вот жить – тут задачка потруднее будет. – И вздохнул чему-то своему.

Глава 4

«А может быть, я просто их потерял?»

Денис весь день ворочал в голове одни и те же мысли. Понимал, что загнал себя в беличье колесо, из которого не вырвешься, как ни беги, – но и прыгнуть в сторону не мог.

Трое часов. Он купил у Михалыча трое часов – больше не было – и принес их домой. Положил в ящик стола у себя в кабинете. Одни часы пропали, одно убийство произошло. А ему в почтовый ящик бросили письмо с распечатанной во весь лист цифрой «1»...

Денис потряс головой. Огляделся и будто только сейчас сообразил, что опять сидит за рулем автомобиля, во дворе. Сколько уже он так сидит? Темнеет...

– Не сходи с ума, – приказал себе Денис. – Убийца пробрался к тебе домой и украл одни часы. Одни! А когда он захочет убить снова – проберется еще раз, да?

Издав истерический смешок, он распахнул бардачок. Вытащил все, что там было, включая инструкцию по эксплуатации с припрятанным внутри конвертом. Перерыл все, что вытащил, убедился, что бардачок пуст.

Часов не было. Да это и не удивительно, ведь он не клал их туда! Совершенно точно. Положил в карман пиджака, а дома – в ящик. А все эти поиски – попытка ухватиться за соломинку... Хотя, может, одни часы выпали? Завалились

за подкладку?

Ощупывая полы пиджака, Денис поймал себя на ощущении дежавю. Сколько раз он уже сегодня это делал?!..

Так, спокойно. Выдохнули.

Часов было трое. Одни – пропали. Одно убийство. Остальные двое он размазал по асфальту, раздавил колесами внедорожника. Других нет. Их не производят. Можно найти еще на «Авито» или «Юле», но на это он уже никак повлиять не может.

Денис вышел из машины, хлопнул дверью. Направился к подъезду. Не оборачиваясь, нажал на брелоке кнопку блокировки. Автомобиль пискнул и щелкнул у него за спиной.

И все-таки, куда исчезли третьи часы?

Мороз по коже.

Если бы у следователя было хоть что-то, например отпечатки пальцев на часах, он бы не ушел просто так. Черт, да он бы и не приходил к нему сам! Прислал бы опергруппу. Это ведь так делается?

С третьего раза Денис попал электронным ключом в домофон, открыл дверь, шагнул внутрь. Почтовый ящик... Потребовалось взять себя в руки и сосредоточиться, чтобы его открыть. И оттуда выпал конверт.

Нет. Не надо, пожалуйста!

Денис наклонился, поднял конверт, перевернул его...

Вздых облегчения получился излишне громким. Не конверт, всего лишь счет за квартплату или электроэнергию –

что-то такое. Лена с этим разбирается, ему бумага и на работе хватает.

* * *

– М-м-м, счет, как романтично, – улыбнулась Лена, забрав сложенную бумажку. – Долго ты сегодня.

– Угу, – отозвался Денис и понял, что больше уже ничего не в силах сказать.

Сил не осталось совершенно. Хотелось упасть на кровать и провалиться в небытие. Полнейшее небытие, без снов и чувств, без мыслей. Если смерть такая, то не так уж она и страшна, как малюют.

– Иди переодевайся, – сказала Лена, направляясь в кухню. Оттуда вкусно пахло.

Денис разулся и направился к спальне. Проходя мимо комнаты Насти, задержался. Дверь была приоткрыта, из нее раздавался ущемленный крохотными динамиками ноутбука хорошо поставленный голос:

– ...оставалось нераскрытым на протяжении практически сорока лет. Тогда убийцу просто не смогли поймать, и он ушел на дно, затаился. Прожил долгую жизнь, чувствуя себя безнаказанным. Что это была за жизнь? Кем был этот человек? Следствие не знает ответа до сих пор. Давайте посмотрим, удастся ли разобраться нам.

Денис толкнул дверь, и та приоткрылась шире, стал виден

экран ноутбука. Там как раз начала крутиться заставка того, что Денис по старой памяти называл «передачами». Настя, услышав это слово, обычно закрывала глаза. Передачи остались в прошлом. Теперь это не то видеоблоги, не то подкасты – черт их разберет.

Под бодрую электронную музыку крутился логотип Ne, на фоне сменяющих друг друга черно-белых фотографий. Денис поморщился, мельтешение и вспышки его раздражали. Он открыл дверь еще шире, для приличия стукнув костяшками пальцев, и обнаружил единоличную владелицу комнаты. Она сидела на стуле перед зеркалом и что-то там мудрила то ли с бровями, то ли с ресницами.

– Привет, – сказал Денис.

– Ага, – отозвалась Настя, не оборачиваясь.

– Слушай, а что это такое? – кивнул он на ноутбук.

– Нормально, – машинально отозвалась Настя. – А? – спохватилась. – Где?

– Вот это. – Денис указал на экран, где появился модный парень лет двадцати пяти. Он шел по улице, глядя в камеру, и что-то говорил.

– Это Неон, блогер, – пояснила Настя. – А что?

– А по-русски можно? – взмолился Денис. – Чем он занимается?

– Находит всяки. Ну, нераскрытые убийства всякие доисторические, из прошлого века. И раскрывает. Канал раскрученный. Видосы редко выходят, но как выходят – стабильно

в топах.

– А. Ясно. Стало быть, Неон, – кивнул Денис. – А ты, зна-чит, его смотришь?

– Ну, так... – пожала плечами Настя. – Смотрю иногда. Прикольно.

– Ясно. Ужинать...

Денис осекся. Глаза широко раскрылись.

– Я час назад ела, – сказала Настя, не замечая, как все переменялось.

Денис вошел в комнату, пальцем ткнул пробел на клавиатуре ноутбука, заставив красивого парня заткнуться. Тишина ударила неожиданно. Настя вздрогнула, повернулась, ошеломленная таким невиданным вторжением в свое личное пространство.

– Это что такое? – прошептал Денис, дрожащей рукой взяв со стола маленький предмет, размером едва больше спичечного коробка. – Ты где это взяла?!

Его голос и безумный вид явно сообщили Насте, что лучшим вариантом сейчас будет говорить правду и не выпендриваться.

– У тебя в столе, – сказала она, подавшись в сторону, хлопая беззащитными глазами. – А что? Это ведь пейджер, да? Я думала, может, получится запустить, интересно же...

– Кто тебе разрешил лазить у меня в столе и брать мои вещи?! – заорал Денис так, что где-то в недрах квартиры что-то звякнуло.

Немыслимый коктейль из облегчения и злости переполнял и требовал выхода.

Настя побледнела. Она несколько раз открыла и закрыла рот, но ни слова сказать не могла. Никогда раньше отец не вел себя так.

С кухни приближались торопливые шаги.

– Я, – пролепетала Настя, – я думала...

Голова опять закружилась.

Денис никогда не запирает кабинет. Не было замков и на ящиках стола. Ничего смертельно важного он там не держал, если вел дела дома, то обходился компьютером, всю документацию хранил на работе. А в столе лежало всякое барахло. Блокноты, ручки, старые телефоны, зарядные устройства, сувениры и бестолковые подарки, которые дарили партнеры по случаю праздников.

В отличие от своего отца, Денис не старался оградить себя от домашних. Он пытался, наоборот, быть полностью открытым. С детства Настя чувствовала себя как дома в его кабинете, постоянно что-нибудь оттуда таскала, когда было нужно или просто хотелось... Как он мог об этом забыть?!

– Что происходит? – В дверях появилась Лена, переводя встревоженный взгляд с дочери на мужа и обратно.

Денис чувствовал, что переступил черту и что пути назад нет. Шаг назад – и придется объяснять, почему сорвался. А к этому он не был готов.

– Не делай так больше никогда, – бросил он и, отвернув-

шись от дочери, шагнул к выходу.

Лена распласталась вдоль двери, уступая ему дорогу. Денис прошел в кабинет и хлопнул дверью.

– Настя, – прошептал, ощупью двигаясь к столу, – свет включать не хотелось. – Господи боже мой, дочка...

Сейчас ему хотелось вернуться и обнять ее, попросить прощения. Но вместо этого Денис сел за стол и включил компьютер. Вертел часы в руках, пока загружалась система.

Третьи часы нашлись. Они и не пропадали, не покидали пределов квартиры. Значит – хотя бы одно страшное подозрение можно похоронить. Значит, он точно ни в чем не виноват, голова в порядке. По крайней мере, пока...

Денис опустил часы в карман пиджака. Дома хранить такие вещи нельзя. Еще два дня назад они не были «такими» вещами, а теперь – стали. Как интересно – то, что происходит где-то и с кем-то, меняет цену вещей. Прямо как на Уолл-стрит...

Он запустил браузер. Двумя пальцами – иначе не умел, в отличие от Насти, которая печатала вслепую с головокружительной скоростью, – ввел в поисковик: «Неон блогер нераскрытые убийства».

Нужный сайт оказался в первой же строке. Денис подвел к ней курсор.

Что бы это ни было – оно закончилось.

Дни шли за днями, и ничего не менялось. Ну разве что в кармане у Дениса теперь постоянно лежали одни часы и одна бумажка – с коротким номером Неона. Номером, который он так пока и не решился набрать. Откладывал изо дня в день.

Ведь все закончилось...

Помириться с Настей пока не получалось. Она, будто еж, свернулась в комок и ошетибилась иголками. Знала, что отец чувствует себя виноватым, хочет извиниться. Вот и дулась до последнего, мстя за ту непонятную вспышку.

А в пятницу утром Денис спустился на лифте на первый этаж, открыл почтовый ящик и едва успел поймать конверт.

Сердце екнуло. Теперь это – точно письмо.

Оглядевшись, Денис вскрыл конверт. Достал лист бумаги формата А4. Развернул.

Головокружение и тошнота подлетели одновременно. И накнулись дружно, как по команде. Денис прислонился плечом к стене, пачкая пиджак побелкой и тяжело дыша. Пальцы правой руки скользнули в карман и коснулись часов.

На месте. Не может быть. Не может быть...

Запищал электронный замок, и Денис резко отпрянул от стены. Шагнул к выходу из подъезда. А навстречу ему шагнули, один за другим, двое крепких мужиков, одетых в граж-

данское. Но это, конечно, ничего не значило. Удостоверение, которое ему сунули под нос, избавило от остатка иллюзий.

– Белов Денис Валентинович? – риторически спросил первый. – Пройдемте, пожалуйста, с нами. На пару слов.

Глава 5

Его звонки всегда раздавались в самый неудобный момент из всех возможных. Вероника не могла припомнить случая, когда он позвонил бы вовремя. Казалось, что специально сидит, словно снайпер в засаде, долго выжидает, целится – и жмет на спусковой крючок именно тогда, когда ей меньше всего на свете хочется помнить, что человечество изобрело телефоны.

Вот и сейчас – пятница, вечер. Клуб, куда она полгода мечтала попасть. Симпатичный парень, недавнее знакомство с которым складывалось так, что лучше не бывает. И – звонок.

– Чтоб ты провалился, – простонала Вероника, глядя на экран.

Ее спутник вопросительно поднял брови. Предложил:

– Может, не стоит отвечать?

– Без вариантов, – вздохнула Вероника. И отпраповтовала в трубку: – Руки-ноги слушают!

– Слышимость отвратительная, – недовольно констатировали в ответ. – Извергаешь дозы пота в дискотечный смрад?

– Держу рабочие инструменты в тонусе, – парировала Вероника. – Чего тебе?

– Приезжай. Ты мне нужна.

Ну кто бы сомневался.

– Сейчас вообще-то половина первого. До утра подождать – никак?

– Если бы я хотел узнать, сколько времени, посмотрел бы на часы, – еще недовольнее отозвались из трубки. – А если бы мог подождать до утра, сказал бы: «Приезжай утром». Ты мне нужна. Жду. – Загудели гудки.

Вероника вздохнула. Грустно посмотрела на парня, сидящего рядом.

– Мне надо уехать. Прости.

– Серьезно?! – обалдел он. – Сейчас?

– К сожалению, именно сейчас. – Вероника соскользнула с барного табурета, убрала телефон в сумочку. – Я позвоню завтра, ладно?

– Ну... ладно.

Отношения у них пока не зашли настолько далеко, чтобы у парня появилось право интересоваться, куда это она намылилась в столь поздний час. Возможно, с грустью подумала Вероника, уже и не зайдут. Она уйдет, он останется. А девчонок вокруг хватает.

– Тебя проводить? – спохватился парень.

– Спасибо, не стоит. Я уже вызвала такси. – Вероника коснулась губами его щеки. Не поцеловала, не чмокнула – обозначила поцелуй. Что-то вроде обещания, что вечер мог бы сложиться иначе. Деликатно выскользнула из рук парня, когда он попытался ее удержать. С сожалением сказала: – Мне правда надо бежать. Извини.

И не задерживаясь больше, по дуге, огибающей танцпол, устремилась к выходу. Тешила себя мыслью, что парень может смотреть ей вслед, и двигаться старалась как можно изящнее. Завтра она ему непременно позвонит. И может быть, он даже ответит... «Сама бы не ответила», – безжалостно подумала Вероника. Две недели дожидаться свидания для того, чтобы в самый его разгар новая подруга исчезла неизвестно куда, – сомнительное удовольствие.

Вероника определила в веренице такси, стоящих у клуба, нужную машину. Открыв дверь, обреченно спросила:

– Улица Веселая, дом семнадцать?

– Да-да, – закивал таксист.

– Поехали, – вздохнула Вероника.

Сидя на заднем сиденье, философски размышляла о том, что когда-нибудь заканчивается все. Даже знаменитые московские пробки. В час ночи такси летело по улицам, тормозя только на светофорах, – хотя машин вокруг все равно хватало. Этот город никогда не спит. Вероника жила здесь четвертый год, но пока еще не определилась, любит она за это Москву или ненавидит.

Мысли невольно перекинулись на человека, из-за которого Вероника оказалась в Москве, переехав из родного города. Вспомнила, как в соцсети ей в друзья постучался персонаж с ником Ne и теми же двумя буквами на голубом фоне аватарки.

Ни «Привет!», ни «Как дела?». Странный незнакомец схо-

ду перешел к делу:

«Ты помнишь соседей, которые жили рядом с вами в Энке, на одной лестничной площадке?»

Вероника покрутила пальцем у виска и собралась было удалить сообщение. Все свои двадцать четыре года она прожила в единственной квартире – тесной двушке в панельной пятиэтажке, куда ее принесли когда-то из родильного дома. Там Вероника жила сначала с родителями и бабушкой, потом с мамой и бабушкой, а в последние месяцы – только с мамой.

Соседей за эти годы сменилось немало. Квартиры находились на первом этаже, не в самом лучшем районе. Зимой под окнами наметало сугробы, летом стояла тень от деревьев – солнце в помещения не заглядывало почти никогда. В комнатах и на кухне всю жизнь, сколько Вероника себя помнила, царил полумрак. Неудивительно, что навязчивой мыслью каждых новых соседей, спустя едва ли месяц после переезда, становилась мысль о новом обмене.

Родители Вероники не переезжали из-за бабушки, после инсульта сидевшей в инвалидном кресле. Единственным развлечением бабушки, помимо телевизора, были посиделки во дворе на лавочке с другими пенсионерками. «На прогулку» бабушку старались вывозить ежедневно. Сначала это было обязанностью отца Вероники, потом, после развода родителей, – мамы. Когда Вероника подросла, бабушкино кресло она ворочала уже самостоятельно, и мамино присло-

вье о том, что первый этаж – ни с чем не сравнимое счастье, повторяла уже вполне искренне.

А сколько за это время сменилось жильцов в соседней квартире, на бегу и не посчитать. И если кто-то вдруг решил, что Вероника должна помнить каждого, то это его личные трудности. Так она подумала, собравшись удалить сообщение. Однако в последний момент вдруг подвисла.

Соседей сменилось действительно немало, да. Но так деловито-бесцеремонно к ней мог обратиться только один человек.

«Неужели ты?» – написала Вероника. Почему-то уже не сомневаясь в том, что это он.

«Значит, помнишь, – пришел мгновенный ответ. – Сейчас я живу в Москве. Ты мне нужна. Приезжай».

И адрес: улица Веселая, дом семнадцать.

«Десять лет прошло, а ты совершенно не изменился, – сердито написала Вероника, – остался таким же самовлюбленным идиотом. Никуда я не поеду!»

Через пять минут она поймала себя на том, что смотрит расписание электричек. Через десять – что придумала сказку, которую расскажет завтра на работе крокодилихе-начальнице для того, чтобы отпроситься пораньше. Ведь если не уйдет хотя бы в половине четвертого, то на последнюю московскую электричку не успеть...

Через два дня Вероника, даже не пытаясь скрыть ликования, положила на стол крокодилихи заявление об уходе.

– Дальше дорогу покажете? – вывел Веронику из задумчивости голос таксиста. – Тут этих семнадцатых домов – что у дурака махорки, навигатор с ума сходит.

Фары такси осветили полутемную улицу. Тесно жмущиеся другу к другу машины (извечная беда этого города – отсутствие парковок), лужи на разбитом асфальте и недотаявшие грязные нашлепки, оставшиеся от сугробов.

– Руки оторвать, кто так строит, – проворчал таксист. – Корпус-то какой? Куда ехать?

– Все, спасибо. Остановите здесь, дальше я дойду. Там охраняемая территория, шлагбаум. Вас не пропустят.

Водитель с заметным облегчением затормозил. Вероника выпорхнула из машины, поправила ремешок сумочки на плече и уверенно застучала каблуками по тротуару. Таксист проехал вперед, выбрал место для разворота, кое-как, наверняка сквозь зубы матерясь, развернулся на тесной проплешине между машинами и уехал.

Проводив такси взглядом, Вероника плотнее запахнула куртку: в машине было жарко, а выйдя из нее, девушка мгновенно вспомнила, что на дворе пока апрель, а не июнь. Потянула на себя калитку из металлических прутьев – основной функцией охранника, сидящего в будке у шлагбаума, было не пропускать на территорию двора автомобили, не принадлежащие жильцам. Пешеходов ни о чем не спрашивали. Вероника беспрепятственно прошла через калитку и уверенно зашагала мимо детской площадки и скверика со скукожен-

ными по весеннему времени деревьями к дому, стоящему дальше всех.

Набрала на кодовой панели, украшающей металлическую дверь подъезда, номер квартиры. Замок пиликнул сразу – Веронику ждали. Она вошла в подъезд. Уголок, выделенный для консьержки, украшенный вышивками в рамочках и традиционными в горшках, пустовал – на ночь консьержка уходила домой. А лифт, будто дожидаясь Веронику, стоял на первом этаже. Но она гордо прошагала мимо. Уже полгода старалась не пользоваться лифтами, вычитала где-то, что такая гимнастика способствует крепости ягодичных мышц. Быстро поднялась по лестнице на третий этаж.

В просторный коридор выходили двери четырех квартир. Солидные, металлические, украшенные ручками под золото и бронзу. Номера на квартирах были выписаны такими же золотыми и бронзовыми цифрами. На всех, кроме одной. К ней-то и подошла Вероника. Надавила ручку – из тех, что обычно поставляются в комплекте с дверью «в подарок». Заменить ее на более интересный вариант хозяину квартиры в голову не пришло. Ему, впрочем, многое не приходило в голову. Например, что лежащий перед дверью обрывок коврового покрытия, оставленный здесь когда-то строителями, заляпанный штукатуркой и краской, можно заменить на что-то приличное.

Дверь не была заперта. Вероника вошла в квартиру.

В рекламных проспектах такие напыщенно именовали

«студиями свободной планировки» – в последние три года Вероника начала разбираться во многих неожиданных вещах. По сути, квартира представляла собой огромную пустую коробку с подведенными коммуникациями, начинать которую будущим жильцам предлагалось в соответствии с их личными представлениями об идеальном доме. Строить внутри стёны, деля студию на комнаты, впереть в середину квартиры печь-тандыр или разлиновать пол на дорожки для боулинга – это оставалось на усмотрение хозяев.

Что планировал делать со своей студией человек, купивший ее на этапе сдачи под ключ, Вероника не могла представить даже в самых смелых фантазиях.

От центра квартиры под прямым углом расходились выстроенные в два луча столбы – по три на каждом луче, один во главе угла. То есть всего столбов было семь. Солидных, сантиметров тридцать в диаметре, от пола до потолка. Помимо столбов, хозяин студии успел установить сантехнику – раковину-тюльпан и унитаз безумно-красного цвета. Стекланные стенки душевой кабины и плитка на полу были расписаны огромными красными цветами. Цветы выгибали лепестки и стебли так хищно, что Вероника, когда случалось заходить в ванную, старалась поворачиваться к кабине спиной и не смотреть на пол. А на стенах плитки не было. Вероника предполагала, что ее просто не успели положить. Украсив студию столбами и вампирской сантехникой, ее хозяин исчез в неизвестном направлении.

Квартиру продавали наследники. Долго и безуспешно – потенциальные жильцы, которых удавалось привлечь риелторам, после осмотра студии почему-то мгновенно пропадали с горизонта. Цену год от года снижали, но желающие жить среди столбов и садиться на кроваво-красный унитаз все не находились. В итоге нынешнему хозяину студия досталась по цене едва ли не втрое меньшей, чем заплатил когда-то первый владелец. Вероника думала, что лично она на месте наследников радовалась бы уже и этому.

Прихожая, как и вся квартира, была застелена линолеумом, раскрашенным под кирпич. По Вероникиному мнению, градус безумия, происходящего в квартире, от этого еще более повышался: ее неизменно преследовало чувство, что она идет по отвесной стене.

«Износостойкость высокая. Продавали дешево, по акции. Не понимаю, что тебе не нравится», – прокомментировал Веронике свой выбор линолеума хозяин квартиры.

«Ну еще бы такое не продавали дешево. Небось, рады были до смерти, что в принципе от этого кошмара избавились», – привычно ворчала про себя Вероника, снимая сапожки и придвигая к себе мохнатые тапочки.

Тапочки появились в квартире благодаря ей и использовались только ею. Хозяин искренне недоумевал, для чего в помещении вообще нужна обувь, если можно обойтись без нее.

– Я здесь, – сообщила Вероника офисному креслу, стоя-

щему возле длинного стола.

Главным украшением стола служили два больших монитора. Оба – включенные, но хозяин квартиры склонился над экраном ноутбука. За высокой спинкой офисного кресла его согбенную фигуру не было видно. Если бы не ноги, зацепившиеся носками за станину, вообще не скажешь, что в квартире кто-то есть.

– Наконец-то, – буркнули из кресла. – Подходи, бери наушники. Хочу, чтобы ты послушала все с самого начала. Вроде в кои-то веки что-то интересное намечается.

Глава 6

Он сместился вместе с креслом вправо вдоль стола, освобождая место Веронике. Она давно не удивлялась ни тому, что хозяин квартиры не здоровается, ни тому, что не предлагает сесть. Сама взяла раскладную табуретку, которую когда-то сама же сюда и принесла. Раздвинула и поставила рядом со столом.

Села. Надела наушники. Коснулась мышки, включая воспроизведение записи.

Звонили по скайпу. Безликий цифробуквенный ник, пустота на месте аватарки. Вероника готова была спорить на что угодно, что звонивший едва успел зарегистрироваться. Обычное дело, в общем-то, каждый первый так звонит.

Звук вызова – и почти сразу знакомое равнодушное:

– Алло.

– Э-э. Здравствуйте. Это господин Неон?

«Мужчина. Не пожилой, но зрелый, лет сорока или около того», – решила Вероника. В определении возраста она обычно не ошибалась.

– А вы, звоня господину Неону, ожидали услышать кого-то другого?

Тоже привычный отзыв. И привычные секунды неловкого молчания.

– Ну... я не знаю. Может, у вас администратор на звонки

отвечает.

– Нет. – Все то же равнодушие в голосе.

– Что ж, хорошо. – Мужчина откашлялся. – Я пока не представляюсь; если договоримся – это успеется.

По молчанию на другом конце провода чувствовалось, что даже если собеседник останется безымянным навеки, «господина Неона» это ни на секунду не беспокоит. В этот момент примерно каждый десятый из звонивших разговор обрывал. Не у всех хватало нервов на то, чтобы беседовать с равнодушной тишиной. Мужчина оказался крепким.

– Так вот, – продолжил он. – Не скажу, чтобы я являлся давним поклонником вашего... э-э... творчества. Дочь увлекается, я случайно увидел. И подумал, что вы можете мне помочь. Если, конечно, то, что вы показываете в своих роликах, правда, а не искусно сфабрикованные фальшивки. – Мужчина сделал вопросительную паузу.

Явно рассчитанную на то, что его кинутся заверять: ах, ну что вы, какие фальшивки! Но «господин Неон» все так же невозмутимо молчал.

– Это правда? – уточнил мужчина. – То, что вы показываете в роликах, – реальные расследования?

– Да.

– Хорошо, поверю вам на слово. И перейду к делу. Скажите, в какую сумму мне обойдется расследование убийства двадцатипятилетней давности?

– Год назовите точно, – потребовал Неон.

– Девяносто седьмой.

– Убитый имел отношение к преступным группировкам?

– Нет. Он был исключительно порядочным челове...

– Воевал? Девяносто седьмой – это вторая чеченская, – перебил Неон.

– Нет.

– Локация?

– Что, простите?

– Где произошло убийство?

– В Смоленске. Прямо в центре города.

– Характер убийства?

– Э-э... Что вы имеете в виду?

– Что произошло с вашим порядочным человеком?

– На него напали в парке, во время прогулки. – Голос мужчины дрогнул. – Зарезали. Он был одной из жертв маньяка.

– Хорошо.

– Что-о? – обалдел мужчина.

– Говорю: хорошо, я беру ваше дело, – скучно пояснил Неон. – Рассказывайте дальше. Стоимость расследования определяю исходя из того, что известно вам и официальному следствию.

– Я не готов разговаривать об этом по телефону.

– Давайте встретимся, расскажете лично.

– Хорошо. Когда?

– Можно сейчас.

– Но сейчас почти полночь...

– Да, я в курсе. Часы у меня перед глазами.

– Кроме того, я нахожусь в Смоленске. А вы?

– В Москве.

– И вы готовы приехать ко мне?

– С чего вы взяли?

Мужчина снова подвис.

– Но вы сказали: «Давайте встретимся»?

– Сказал.

– То есть это я должен приехать в Москву? – уточнил мужчина.

– Разумеется. Это ведь вы хотите, чтобы я добыл информацию.

– Ну... хорошо, – помолчав, решил мужчина. – Я приеду завтра. Утренний поезд приходит в двенадцать десять.

– Принято. В двенадцать десять вам позвонят на этот айпи и назначат место встречи.

Соединение прервалось. Вероника сняла наушники. Пообещала:

– Тиша, я тебя прибью.

Собеседник поморщился. Он терпеть не мог «Тишу». «Тиму» и «Тимошу», впрочем, тоже не выносил. Настаивал на том, чтобы Вероника звала его Тимофеем, но она этого не делала из вредности.

– Ты пригнал меня сюда ночью для того, чтобы сообщить, что завтра в двенадцать десять я должна буду назначить встречу очередному психу? – постепенно закипая, про-

должила Вероника. – Подождать с этим до утра никак не мог? Я, между прочим, не только твои руки-ноги! У меня, между прочим, личная жизнь есть! Точнее, могла бы быть, если бы кое-кто оставлял мне на нее время.

Она вскочила с табуретки. Тимофей снова поморщился, на этот раз пренебрежительно, и, оттолкнувшись ногой от пола, качнул гамак.

Гамак был закреплен между двумя столбами. Тимофей периодически перемещался из-за стола в него. Системы в перемещениях Вероника не прослеживала, однако это не означало, что ее не было.

Привычки Тимофея подчинялись собственной логике – как успела убедиться Вероника, порой весьма далекой от логики обычных людей. Впрочем, как было далеко от обыденности все, что касалось Тимофея. Впервые попав в эту квартиру, увидев растянутый между столбами гамак, а также висющую на вбитых в другие столбы крюках одежду, бейсболки, боксерские перчатки и прочие предметы, о назначении которых даже не догадывалась, Вероника, мягко говоря, удивилась. Осторожно поинтересовалась, для чего в квартире столбы. Тимофей объяснил, что они достались в наследство от предыдущего хозяина.

«А убрать этот кошмар – никак?» – удивилась Вероника.

«Почему – кошмар? – встречно удивился Тимофей. – И зачем их убирать? Если я уберу столбы, куда повешу гамак и вещи?»

Вероника к этому моменту уже огляделась по сторонам и вопросы задавать перестала.

Квартира Тимофея представляла собой безумную смесь хакерской берлоги, туристического лагеря и спортзала. Часть ее занимали велотренажер, силовая скамья со штангой, боксерская груша, шведская стенка и прочая спортивная дребедень. На полу лежали маты. Все новенькое и, сколь могла судить Вероника, недешевое. У противоположной стены стоял длинный стол с мониторами, принтером и ноутбуком, лежали шнуры, мотки проводов, разрозненные детали компьютерной начинки, книги, распечатки статей и канцелярские принадлежности. Судя по мониторам и принтеру, на таких вещах Тимофей тоже не экономил. Между двумя столбами висел гамак, в углу приткнулась кровать. В противоположном углу из-под школьной парты, застеленной куском линолеума, выглядывал небольшой холодильник. На парте стояли микроволновка и чайник. Этот угол назывался «кухней».

Привести квартиру в божеский вид Тимофею мешало не отсутствие средств – размер его гонораров Веронике был известен, – а искреннее непонимание, для чего нужно что-то менять. В нем удивительным образом уживались стремление к комфорту и неприхотливость, граничащая с наплевательством. Например, девайсы, необходимые для работы, Тимофей покупал без оглядки на цену. Так же, как и спортивное оборудование. Так же, как долго и привередливо выбирал

гамак. А школьную парту, на которой стояли чайник и микроволновка, он притащил с помойки. До тех пор, если Вероника правильно поняла, чайник и микроволновка стояли прямо на полу. И кровать появилась в доме только благодаря Веронике, которая время от времени оставалась ночевать, до того Тимофей спал на матрасе, брошенном на пол.

Так же наплевательски он относился к своей внешности. Джинсы, майки и кроссовки занашивал до состояния абсолютной ветхости. Густые темные волосы раз в полгода, когда отрастали, безжалостно сбрасывал под машинку. В квартире было единственное зеркало – прислоненное к стене в ванной трюмо с отбитым углом. Тоже, как уже без удивления узнала Вероника, подобранное на помойке. Тимофей заглядывал в него, когда брился. И вряд ли его в эти моменты интересовало что-то, кроме щетины на подбородке. Вряд ли думал о том, что у него охрененная фигура, идеальный овал лица и твердая, волевая челюсть. А глаза – до того светлые, что кажутся прозрачными, Вероникина бабушка говорила про такие «с поволокой».

Сейчас в этих прозрачных глазах сквозило недоумение. Тимофей не понимал, что может быть интереснее нового расследования и от каких таких важных дел он мог оторвать свои «руки-ноги». Веронику он считал своей собственностью и не видел необходимости это скрывать.

Он и в детстве был таким, командовал Вероникой без зазрения совести. Соседями они, правда, были недолго, едва

ли год, потом родители Тимофея переехали в другой город. А потом они не виделись почти двенадцать лет. И тем не менее – по единственному короткому обращению в Сети Вероника поняла, кто это. Он позвал – она побежала. И только сидя в электричке, задумалась: а с какой стати, собственно, бежит? Тимофей ведь знает, где она живет. Мог бы и сам приехать, не развалился бы...

Вероника ворчала по привычке, догадываясь, что от ее ворчания ничего не изменится. Тимофей живет так, как удобно ему. На удобство тех немногих, кого допускает в свой мир, этому парню глубоко плевать. Ничего нового, в общем-то, он и в детстве был таким – всегда серьезный, сосредоточенный на чем-то своем мальчишка. Уже тогда казалось, что он существует в собственном мире, без оглядки на окружающих. Этим самым миром, наверное, он и запал Веронике в душу. Все-таки не каждый день встречаешь пацана, интересующегося настолько странными вещами и настолько непохожего на других.

«Чтоб ты провалился, чертов гений», – ворчала Вероника, разбуженная в пять утра, выдернутая из ванной или из мужских объятий. Ворчала – и продолжала выполнять его распоряжения.

– Ладно, – вздохнула Вероника. Села в кресло Тимофея, подкатилась поближе к гамаку. Скрестила на груди руки. – Совесть – это такая штука, с которой тебе уже вряд ли доведется познакомиться. Можешь хотя бы объяснить, что тако-

го интересного в убийстве из девяностых? Небось, обычные разборки. Сам знаешь, что тогда в стране творилось.

– Вот именно, – кивнул Тимофей. – В стране творилось такое, что правоохранительным органам было, мягко говоря, не до маньяков. Должного внимания расследованию наверняка не уделили. Я все время, пока тебя ждал, пытался найти хоть какую-то информацию по делу. Ноль. Тишина. Будто и не было никакого серийника.

– А может, и правда не было? – бросила Вероника. Встала и отошла в «кухонный» угол. Наполнила чайник водой из пятилитровой канистры, нажала на рычажок. – Может, этот дядька, который звонил, – из тех придурков, что шапочки из фольги носят? Его, может, инопланетяне похищали или агенты ЦРУ за ним подглядывают?

– Нет, – уверенно отсек Тимофей. – Дядька деловой, по тону слышно. Тратить время на ерунду не привык. Такие перед тем, как что-то делать, десять раз все обдумывают. Это не «пустышка», точно.

Глава 7

«Пустышки» им время от времени действительно попадались, но Тимофею надо отдать должное – подобные вещи он просекал быстро, а с параноиками не связывался ни за какие деньги. Да и в целом в предстоящей работе оценивал прежде всего уровень интересности, и только потом – платежеспособность клиента. Начинал свое занятие когда-то вообще на голом энтузиазме, исключительно «из любви к искусству», приносить доход оно начало уже потом.

Тимофей, по его собственным словам, расследовал недоисследованное. Брался за старые дела, которые когда-то легли в архив с пометкой «следствие прекращено». Добывал информацию. Думал. Сопоставлял. И получал такие результаты, что оставалось только ахнуть. На этапах расследования Тимофей снимал видео, разбавлял их тревожной музыкой, документальными фото и прочими завлекательными кадрами, а ролики выкладывал на видеохостинг. Так родился «Неон» – яркий блондин с прядью синих волос, эффектно свисающей на высокий лоб. Неон носил очки в строгой черной оправе, золотые колечки в правом ухе и модные рубашки безумных расцветок. Он обладал низким, поставленным голосом, умением расставлять акценты и держать загадочные паузы. Аудитория Неона обожала. Его ролики быстро завоевали популярность, от желающих пригласить гени-

ального блогера для расследования не было отбоя.

В жизни «Неона» звали Вованом: недоучившийся актер, он закончил два курса театрального училища, до знакомства с Тимофеем зарабатывал съемками в рекламе и массовках. Вероника стала третьей в команде. Ее помощь требовалась, когда возникала необходимость общаться с людьми. Красавец Вован на эту роль не годился по причине тупости, по умопомрачительности соперничающей с внешностью. Вероника считала, что актерская карьера у Вована не сложилась в основном из-за этого, а вовсе не потому, что молодому таланту не давали дорогу.

У самого Тимофея, интроверта до мозга костей, необходимость общаться с людьми в легких случаях – например, по телефону, – вызывала кислую мину, в сложных доходило едва ли не до панических атак. В итоге ногами и руками Тимофея стала Вероника – подруга детства, о которой он помнил лишь то, что с людьми она общалась без проблем, а его самого почти не раздражала. Именно поэтому он разыскал Веронику три года назад. С тех пор дела у «блогера Неона» уверенно пошли в гору. Своим помощникам Тимофей платил щедро, и в целом, считала Вероника, если бы не ряд нюансов, грех было бы жаловаться. Но нюансы – они ведь на то и нюансы. Как в том анекдоте про пожарника: все хорошо, работа нравится, но как пожар – так хоть увольняйся...

Так философски размышляла Вероника, сидя в кофейне и дожидаясь клиента. Кофейня находилась в пяти минутах

хотьбы от вокзала. Клиент должен был вот-вот появиться, и Вероника не отрывала взгляд от входной двери. Интересно было, угадал Тимофей или нет, назвав его «деловым дядькой»?

Дверь открылась. Вошел мужчина лет сорока, в коротком пальто и ботинках, явно не предназначенных для того, чтобы месить уличную грязь. В такой одежде не штурмуют автобусы, в ней обычно сидят за рулем собственного автомобиля. Иногда в автомобиле присутствует еще и шофер.

«Он», – поняла Вероника. Привстала за столиком и помахала мужчине рукой. Тот подошел. Вероника по-деловому протянула руку.

– Здравствуйте. Это я вам звонила.

– Здравствуйте. – Мужчина выглядел недовольным. Руку Веронике пожал не сразу, будто не был уверен, что это стоит делать. – Честно говоря, я рассчитывал на встречу с самим Неоном.

– К сожалению, это невозможно. Неон почти не посещает общественные места. Он – личность узнаваемая, заметная. За ним пристально следят журналисты... Ну, вы понимаете. – Легенда была придумана давно, за три года Вероника успела разучить не только слова, но и нужную интонацию. Дескать, Неон и сам не в восторге, но куда деваться. Уж войдите в положение. – Не волнуйтесь, пожалуйста. Я давняя помощница Неона, он ведет через меня все свои расследования. До сих пор недовольных моей работой не было. Вы

можете общаться со мной так же, как общались бы с ним. Меня зовут Вероника.

Мужчина еще какое-то время поколебался, но в итоге, видимо, решил, что помощница Неона – все же лучше, чем ничего.

– Будем знакомы, – кивнул он. – Я Денис.

– Очень приятно, – Вероника изобразила свою самую обязательную улыбку. Достала блокнот – Тимофеем настоятельно требовал, чтобы все детали разговора она фиксировала на бумаге. Из всех существующих информационных носителей самым надежным почему-то считал именно этот. – Итак, Денис. Вы хотите заказать расследование убийства двадцатипятилетней давности, верно?

Мужчина кивнул. Бросил подошедшей официантке:

– Мне двойной эспresso и стакан воды.

От меню отказался. Официантка ушла.

– Тогда, с вашего позволения, первый вопрос: кем вам приходился покойный?

Денис помрачнел. Резко спросил:

– А это имеет значение?

Вероника демонстративно вздохнула:

– Поверьте, пожалуйста: значение имеет всё. Каждая деталь. Вопросы, которые я буду задавать, ни в коем случае не праздное любопытство. Если вы хотите помочь Неону в проведении расследования, я прошу вас отвечать максимально подробно, ничего не скрывая. Итак?

Денис помедлил, снова что-то для себя решая.

– Я могу рассчитывать на то, что информация не пойдет никуда дальше Неона?

– Разумеется. – Вероника сделала строгое лицо. – Мы гарантируем клиентам полную конфиденциальность.

– Ну хорошо. Погибший – мой отец.

Такого Вероника почему-то не ожидала. Она приготовилась к сентиментальной истории о лучшем друге, который был как брат. Но удивления не показала, так же строго кивнула, делая пометку в блокноте:

– Ясно. Примите мои соболезнования.

Денис криво усмехнулся.

– Да чего уж сейчас-то соболезновать? Столько лет прошло... Я сам уже старше, чем отец тогда был. Все, о чем прошу, – найдите этого гада. Он должен ответить за то, что сделал. – Мужчина стиснул кулаки.

– А почему вы решили заняться расследованием именно сейчас? – Этого вопроса среди тех, что велел задать Тимофей, не было. Веронике самой вдруг стало интересно. – Ведь действительно – столько лет прошло?

– Когда отца убили, мне был двадцать один год, – хмуро ответил Денис. – Пацан сопливый, что я мог? Этого гада не нашли, дело закрыли. Да и не сказать, чтобы сильно искали: в те времена что ни день, то кого-то убивали, серьезные люди кормушки делили.

– А кем был ваш отец?

Денис покачал головой:

– Ни к власти, ни к бандюкам отношения не имел, это я еще Неону сказал. При советской власти работал инженером в НИИ, потом его сократили. Пытался, как все тогда, торговать – не пошло. Кто-то из старых друзей пристроил кладовщиком на склад. Тем нас с матерью и кормил.

– То есть о больших доходах речь не шла? – уточнила Вероника.

– Да бог с вами, откуда! Концы с концами бы свести. Мать тоже сократили, да я еще в вузе учился, на платном. Подрабатывать пытался, конечно, но что там выходило... Смех один.

Вероника припомнила байки, которые слышала о «лихих девяностых», сама она тогда еще под стол пешком гуляла. О том, что студентам на подработках случалось зашибать столько, что не снилось и профессорским окладам. Но деликатно промолчала. Спросила о другом:

– То есть ваш отец погиб не в результате ограбления?

Денис качнул головой:

– Нет. У него после того, как жизнь под откос полетела, одна отрада осталась – прогулки по парку. У нас в Смоленске большой парк, Реадовский, мы тогда жили неподалеку. У отца с тех пор, как еще все нормально было, привычка осталась – по парку гулять. Всегда один ходил, без матери, без меня. Радио слушал, думал что-то свое. Там его и убили. Зарезал какой-то псих.

– Вот с этого места, пожалуйста, поподробней, – попросила Вероника. – Когда точно это произошло?

– Весной, в начале апреля. Еще снег кое-где лежал. Отец пошел на прогулку и не вернулся.

– Он гулял утром или вечером?

– Вечером, перед сном. Уходил после ужина, часов в восемь. В девять возвращался и садился программу «Время» смотреть. Никогда не задерживался. А тут – нет и нет. Мать заволновалась, пошла в парк. Да только что там увидишь, в темноте-то? К полуночи начала в милицию звонить. Те послали. Дескать, суток еще не прошло, мало ли где мужик загулял. Завтра звоните. А назавтра его нашли зарезанного. Парень какой-то утром собаку выгуливал, случайно наткнулся.

– Я правильно понимаю, что ваш отец был не первой жертвой? – Вероника старательно строчила в блокноте.

– Правильно понимаете. Он то ли пятый уже был, то ли шестой. Этот псих давно по городу гулял, а нападал всегда в Реадовском парке. Этот парк, он такой... И сейчас-то почти лес, хотя худо-бедно облагородили. А в девяностые вообще одно название было, что парк. Чуть в сторону отойдешь, так и заблудиться недолго. Хотя отец никогда не плутал, говорил, что все тропинки знает... Он все всегда лучше всех знал. Не сиделось дома! – Последние слова Денис произнес почти со злостью.

Вероника сочувственно вздохнула. Та давняя история для

Дениса все еще была свежей. Видимо, боль от потери отца с годами не утихла.

– Убийство обязаны были расследовать, – подсказала она. – Тем более это эпизод из целой серии. Расскажите, пожалуйста, все, что вам известно.

Денис скривился:

– Да мне почти ничего и не известно. Откуда? Маньяка не поймали, дело закрыли. Я, когда на ноги встал да знакомствами оброс, пытался эту историю копать, но тоже ничего толком не получилось. А на днях случайно Неона вашего увидел, дочь его фанатка, оказывается. Вот и подумал – чем черт не шутит? Вдруг у него получится что-то узнать?

– Что-то – это, прежде всего, имя убийцы? – уточнила Вероника.

– Ну разумеется. Что же еще?

– А если его уже нет в живых?

– Как это – нет? – удивился Денис.

– Ну, все-таки двадцать пять лет прошло. Вам ведь неизвестен возраст преступника, так? А что, если он был молодым человеком? Что угодно могло случиться.

– Н-да, пожалуй. – Денис задумчиво потер подбородок. Такой вариант ему, видимо, не приходил в голову. – Возможно, и правда нет в живых. Но, как бы там ни было, я хочу знать его имя. Это первое обязательное условие. Второе: это имя я должен узнать сразу же после того, как оно станет известно Неону. Какие существуют договоренности между

ним и правоохранительными органами, не знаю и знать не хочу. Но я должен получить информацию первым. Вы можете это гарантировать?

– Разумеется, – кивнула Вероника. – Мы прежде всего ориентированы на клиента. Информацию получает тот, кто за нее платит. И кстати, насчет оплаты...

– Понимаю, что Неону необходимо будет приехать в Смоленск, – кивнул Денис. – Расходы по проезду и проживанию беру на себя.

– Накладные расходы, которых может затребовать расследование, мы тоже выставим вам, – добавила Вероника. – Это помимо оплаты наших услуг.

Денис выдавил кислую улыбку, но кивнул:

– Хорошо. Принято. Когда вы приступите к делу?

Вероника развела руками:

– А вот это уже зависит от Неона. Вы же понимаете, что ваше дело – не единственное.

– Я настоятельно прошу Неона сосредоточиться на моем деле немедленно, – глядя ей в глаза, проговорил Денис. – Я и так ждал двадцать пять лет. Дольше ждать не готов.

– Я поняла, – кивнула Вероника. – Передам. В ближайшее время Неон вам перезвонит – согласовать оплату и прочее.

* * *

– Ну что? – Расставшись с Денисом, Вероника сразу на-

брала Тимофея. – Твои впечатления?

Это был стандартный вопрос. Прежде чем углубиться в детали, Тимофей требовал, чтобы Вероника описала свои впечатления от клиента. Не задумываясь, двумя-тремя словами.

– Он торопится, – сказала Вероника. – Видимо, действительно слишком долго ждал.

– Вот и мне так показалось... Ладно, посмотри, что там с поездами до Смоленска.

– То есть дело ты берешь? – уточнила Вероника.

Вместо ответа Тимофей сбросил звонок. На вопросы, которые считал дурацкими, он принципиально не отвечал.

Глава 8

Итак, я в Смоленске. Как я должен выглядеть?

Вероника частенько подкалывала Тимофея, когда заставляла его за сборами. Он старался такого не допускать, но Вероника была девушкой пробивной, закрытых дверей для нее не существовало в принципе. Это и раздражало, и восхищало – потому, в общем-то, Тимофей с нею и связался. Он переводил пристальный взгляд со спортивного костюма на деловой, с него – на джинсы и футболку, рубашку с длинным рукавом. Приволок в Смоленск едва ли не весь свой гардероб, в котором новые вещи появлялись тоже в основном благодаря Веронике. С ней было проще согласиться, чем спорить.

Не сумев принять решения, Тимофей посмотрел в окно.

Окно выходило на улицу Черняховского, практически в центре города, насколько он успел понять. Однако людей на улице было критически мало. Простояв десять минут, Тимофей отметил троих человек своего возраста. Все трое были в джинсах и в кофтах.

День выдался теплый, но смоляне, похоже, не привыкли доверять климату родного города. Кивнув, ободренный Тимофей натянул выцветшие джинсы, футболку с неразборчивым психоделическим принтом и старенький бомбер, который застегнул до середины. Посмотрелся в зеркало у выхода

и, тяжело вздохнув, вышел за дверь.

* * *

Если бы Тимофей родился лет на десять или двадцать раньше, ему бы пришлось куда тяжелее. Сегодня, благодаря развитию технологий, из дома можно было не выбираться вообще. Хочешь есть? Пожалуйста, «Яндекс. Еда». Нужны деньги? В интернете не заработает только ленивый. Хочешь держать себя в форме? Есть компактные и удобные тренажеры, которые можно без проблем заказать в Сети.

Но кое-каких вещей из дома все-таки не сделаешь. Иногда необходимо почувствовать запах, прикоснуться. Стать частью места, от которого тебе что-то нужно.

«Все сущее – энергия, – любил говорить Тимофей. – Хочешь что-то узнать – нужно лишь разобраться, какую именно энергию необходимо пропустить через себя».

Он вышел из гостиницы и зашагал по улице Черняховского. Шел, низко опустив голову, быстрым шагом. Так, будто уже сто раз проходил этой дорогой. Опыт подсказывал, что таким образом он сведет к минимуму возможность внезапных социальных контактов.

Больше всего в жизни Тимофей ненавидел социальные контакты. Глядя на человека со стороны, мог раскусить его, как орешек. Но когда человек обращался непосредственно к нему, Тимофей впадал в ступор. Это был не страх, нет – если

бы все было так просто. Со страхом Тимофей умел работать. Это был вопрос все той же энергии, которую человек настойчиво пытался пропустить через него. Тимофей чувствовал себя компьютером, который может выдать лишь единицу либо ноль. Пропустить энергию – либо решительно отказать. В первом случае он почувствовал бы себя грязным и несчастным. Во втором – жестоким и грубым. Ни то ни другое не доставляло удовольствия. А Тимофей был глубоко убежден, что жизнь должна доставлять удовольствие – иначе зачем вообще жить?

– По-моему, ты просто псих, – заявила Вероника, когда он впервые попытался ей объяснить, в чем заключаются трудности его взаимоотношений с миром.

Тимофею тогда было двенадцать лет, Веронике – одиннадцать. Разговор состоялся через пару дней после их знакомства. А само знакомство состоялось благодаря Веронике: она первая заинтересовалась нелюдимым мальчишкой, поселившимся в квартире напротив. Подглядывая в глазок, выбрала момент, когда он выйдет из-за двери, и тоже выскочила – якобы случайно. Призналась в этом только спустя двенадцать лет.

– Это проблема? – спросил Тимофей, внимательно глядя на нее.

Вероника была особенной. В какой-то мере – идеальной. Ее общество тяготило Тимофея в наименьшей степени.

– Если и проблема, то не моя, – сказала Вероника и за-

смеялась.

Тимофей невольно улыбнулся воспоминанию и тут же себя одернул.

Не улыбаться! Сохранять нейтральное выражение лица.

Агрессия может привлечь любителей попробовать тебя на излом. Улыбка притянет желающих с тобой подружиться. Ни от тех ни от других не будет ничего, кроме неприятностей, – в этом Тимофей убедился еще в детстве и с каждым прожитым днем убеждался все крепче. Люди тратят бездну времени на так называемое «общение», при этом не уставая жаловаться на ощущение пустоты в жизни. Элементарное неумение распоряжаться собственной энергией, и ничего больше.

Тимофей переступил через бордюр и зашагал по ровной бетонной площадке. Справа стояли уличные тренажеры. Тимофей бросил на них короткий взгляд, не выходя из образа местного, бредущего по своим делам. Увидел впереди круглую будочку, из которой торговали сосисками. Остановился, оплатил френч-дог и, ожидая, пока девушка в фартуке приготовит чудо-блюдо, окинул расслабленным взглядом парк.

Впечатление, составленное по гугл-картам, оказалось верным. Основная часть парка действительно представляла собой фактически лесной массив. Четыре бетонные дорожки вели вниз, к кургану Победы, возле которого полыхал Вечный огонь. Дорожка обегала вокруг кургана, и на этом вмешательство цивилизации в дела природные можно было считать законченным.

У местных парк пользовался популярностью. Мамочки с колясками, пожилые люди с палками для скандинавской ходьбы, дети, бегуны и велосипедисты.

– Возьмите, пожалуйста.

Тимофей вздрогнул и обернулся. Девушка-продавщица протягивала ему френч-дог с торчащей из булки сосиской.

– Благодарю, – кивнул Тимофей.

Он медленно пошел по одной из дорожек, откусывая от френч-дога и глядя по сторонам. Теперь, на месте, чувствовал себя более раскованно. Здесь начиналась работа, а значит, он был в своем праве.

Четверть века назад здесь произошло семь жестоких убийств. Сказав, что его отец был то ли пятой, то ли шестой жертвой, Денис ошибся. Валентин Петрович Белов стал седьмым – и последним. Да, пресса не обласкала убийцу вниманием, но кое-какие сведения все же в печати появлялись, и Тимофей сумел их найти.

Сегодня в парке как будто кипела жизнь, но... Чувствовалось какое-то «но», и чувство это лишь крепло по мере того, как Тимофей приближался к кургану. Под конец пути от тяжелого, давящего ощущения уже кусок в горло не лез, и Тимофей выбросил остатки сосиски в мусорный контейнер возле лавочки, на которой увлеченно что-то обсуждали две немолодые женщины.

Чуть помешкав, он глубоко вдохнул и пересек дорожку. Хотел энергии? Ее здесь – целый гейзер, так и бьет. Как толь-

ко местные умудряются не чувствовать? Может, просто привыкли?

По бетонным ступенькам Тимофей взбежал на курган. Но даже здесь былолюдно. Отсюда делали впечатляющие селфи на фоне парка. Тимофей тоже достал смартфон. Поснимать парк – хорошая идея. Будучи здесь, он не сможет думать, только чувствовать. Мысли зашевелиятся в голове позже, когда он вернется в условную тишину и покой гостиницы. Тогда-то и пригодятся снимки с хорошим разрешением.

– Извините, молодой человек!

Тимофей вздрогнул и обернулся.

Позади него стояла душераздирающе счастливая пара. Девушка, в которой угадывалась толика азиатской крови, улыбалась и протягивала фотоаппарат.

– Вы не могли бы нас сфотографировать, пожалуйста?

Парень – коренастый блондин в кожаной куртке – тоже улыбался, но не так открыто.

Единица-ноль... Решение Тимофей принял моментально.

– Нет, – отрезал он и зашагал прочь от обескураженной девушки.

– Дебил какой-то, – услышал прилетевший в спину комментарий парня.

Оборачиваться не стал. Сердце неприятно колотилось. Ему хотелось убраться подальше от любых контактов как можно скорее.

Вероника нашла его сидящим на скамейке в одной, как Тимофей про себя назвал ее, «потайной» аллее. Складывалось впечатление, будто, закатав асфальтом вполне логичный и симметричный узор в начале парка, создатели внезапно получили корректировку и, не мудрствуя лукаво, добавили к схеме нелепый аппендикс, бьющий по чувству перфекционизма любого человека, глядящего на карту.

– Уф, вот ты где! – Вероника плюхнулась на скамейку рядом с Тимофеем и протянула ему стаканчик с кофе. – Пришлось побегать. А ты чего из гостиницы выполз? Я уж думала, тебя похитили, хотела в полицию звонить.

– Исследую. – Тимофей отхлебнул кофе.

– А, ну-ну. Все эти твои энергетические потоки, чакры-хренакры, – понимающе кивнула Вероника и, открыв свой стаканчик, тщательно перемешала растворимую бурду пластиковой палочкой.

– Смотри, – кивком указал Тимофей на статую, стоящую внизу.

Вероника, прищурившись, окинула взглядом Скорбящую Мать.

– Не сочти меня непатриотичной мразью, но я б за такие памятники срок давала, – вынесла вердикт Вероника. – Хорошо, что сейчас день. И что мне не восемь лет. Мороз по

коже!

– Ты не оригинальна в своей реакции, – улыбнулся Тимофей. – Пока ждал тебя, знакомился с местным фольклором. Еще в девяностые дети верили, будто по ночам эта статуя ходит и убивает людей.

– А, так дело закрыто? – обрадовалась Вероника. – Мне нравится. Отправляй сюда Вована, пусть все красиво снимет. Может, удастся продать сюжет на ТВ-3. Узнаю, есть ли билеты до Москвы на сегодня.

Тимофей задумчиво помолчал. Вероника ждала, глотая кофе. Она хорошо чувствовала свою роль – такого агента реальности. Двойного агента. С одной стороны – не позволяла Тимофею улетать в облака, а с другой – поставляла ему необходимую информацию.

– Так что у тебя? – Тимофей повернул голову и посмотрел на нее.

– Через два часа встречаюсь с Фоминым.

– А Фомин – это...

– Фомин Михаил Федорович, одна тысяча девятьсот пятьдесят первого года рождения. Работал следователем в местном угрозыске, – похвасталась Вероника. Пока Тимофей бродил по парку, она не сидела сложа руки. – В частности, по нашему делу.

– Прекрасно. – Тимофей встал. – Я набросаю список вопросов, которые нужно будет задать.

Он уже переполнился мрачной энергетикой этого места.

Насытился ею до того, что начало казаться: наблюдатель тут не он. Это не Тимофей изучает парк, а парк изучает его. С трудом удерживался от того, чтобы не начать пытливо оглядываться по сторонам. Ему срочно требовался период восстановления и покоя. Период анализа.

– Ты, конечно, набросай. – Вероника поднялась следом. – Да только на многое я бы не рассчитывала. Судя по разговору, мужик отнюдь не фанатеет с идеи повспоминать былые деньки.

– И чем же ты его подкупила?

Тимофей пошел обратно, на «кольцевую дорогу», как мысленно назвал про себя бетонную тропинку, идущую вокруг кургана.

– Сказала, что одна из убитых – моя любимая тетя. Но тут ведь главное – голос, понимаешь? Тон. Тон должен говорить что-то типа «о, большой, сильный и опытный мужчина, помоги маленькой заблудившейся девочке найти дорогу домой!».».

На лужайке у кургана дети играли во фрисби. Порывом ветра пластиковую тарелку отнесло в сторону, и она упала почти под ноги Тимофею. Вероника, не прекращая говорить, наклонилась, подняла фрисби и бросила обратно.

– Спасибо! – крикнул мальчишка, поймав в прыжке тарелку.

Вероника махнула ему рукой.

– Как тебе такое удастся? – спросил Тимофей, не в силах

сдержанность изумления.

— Пру направо. Не получается — щупаю стены, — пожалала плечами Вероника. — Всегда есть какая-нибудь лазейка. Или ты о чем?

Тимофей покачал головой. И вдруг, словно стремясь отыгаться за свою социальную несостоятельность, сказал:

— Между прочим, та скульптура стоит возле массового захоронения жертв фашистских захватчиков.

Вероника споткнулась на ровном месте.

— Блин! — воскликнула она, нисколько не заботясь тем, что на нее оглядываются прохожие. — Больше я с тобой здесь встречаться не буду. Фильм ужасов какой-то! Пошли отсюда, мне нужно подготовиться к допросу с пристрастием.

* * *

У него была отличная память на лица. Это не бог весть какое умение, достаточно лишь внимательно смотреть по сторонам. И тогда начнешь замечать одних и тех же людей.

Они приходили сюда каждый день, как и он. Каждый — в свое время. По некоторым он мог бы сверять часы. Некоторым кивал, как старым знакомым, улыбался и провожал взглядом. Думая: «Это мог быть ты».

Думая: «Ты могла бы стать следующей».

Ощущение власти пьянило, но он не позволял себе оку-

наться с головой. Хватит. Тот человек – умер. Издох, как бродячий пес на улице. Дикий зверь, который резвился, не зная удержу, позволял себе все, что только приходило в голову, теряя голову от собственной силы, власти и безнаказанности.

Так было до тех пор, пока ему не нанесли в спину удар. Страшный удар, оказавшийся смертельным.

И вот он снова здесь, идет шаркая ногами, сутулый и сломленный, пережеванный и выплюнутый самой жизнью. Женщина с ярко-зеленым шейным платком и блеклыми волосами, тронутыми сединой, рассеянно кивает ему и вновь погружается в телефонный разговор.

Если бы она знала, кто идет ей навстречу... Но она не знает, никто из них не знает. Десятки, сотни людей, и каждый с головой погружен в себя, в свои крохотные мирки, крохотные жизненки и крохотные проблемки. Так легко все это раздавить, одним движением.

В отличие от остальных, он сразу же замечал новичков. И сейчас – забеспокоился.

Сначала обратил внимание на парня – притянуло его сосредоточенное, отсутствующее выражение лица. Казалось, что мыслями парень находится далеко отсюда, обычно такое выражение свидетельствовало о том, что его обладатель отгородился от мира наушниками.

Он не сразу разглядел, что на этом парне наушников нет, а разглядев, удивился – не каждый день встречаются люди,

научившиеся отгораживаться от мира без девайсов.

Парень поднялся на вершину кургана. Неожиданно быстро, словно за ним гнались, спустился оттуда. Зашагал по его любимой дорожке – той, что уводила в сторону от центральных. Головой не вертел, по сторонам не озирался, но отчего-то стало понятно, что парень не просто гуляет.

Присматривается.

Сосредоточенно, пристально сканирует окружающее – так мог бы вести себя человек, впервые выйдя на новую работу. И впрямь любопытно...

Отойдя от центральных аллей, парень присел на лавочку, а он так и смотрел издалека. Он не сразу понял, что внезапно показавшаяся на дорожке девица – знакомая парня. Подбежала едва ли не вприпрыжку, плюхнулась рядом.

Он не разобрал, о чем шла речь, слишком далеко стоял. Да и проговорили они недолго – парень вдруг поднялся, хмуро огляделся по сторонам и пошагал к кольцевой аллее. Девица поспешила за ним.

Крохотный эпизод, который мог показаться незначительным. Если ты с головой погружен в себя, в свои крохотные делишки. Он же пока еще смотрел ясным взором, смотрел вслед странной парочке. Обостренное, звериное чутье, которое никогда не подводило, посылало сигналы.

Что-то не так. Что-то пошло не по плану.

«Встретишь их снова – заканчивай ритуал», – как будто шепнул кто-то.

Кивнув, он побрел к выходу из парка. Ритуал – это важно. Но куда важнее то, что должно произойти в конце ритуала. То, без чего вся его жизнь потеряет смысл.

Глава 9

– Вот ты козлина, – сказала Вероника телефону, остановившись перед столовой.

Ее любимый навигатор в Смоленске сошел с ума. Выстраивал такие дикие маршруты, словно получал зарплату экскурсовода. Вероника, слушая голосовые подсказки в наушниках, потратила на путь до места встречи час вместо обещанных пятнадцати минут. Проанализировав пройденный маршрут, она пришла к выводу, что ее сознательно водили кругами. Одну только улицу Кирова ей пришлось переходить трижды.

Все, хватит. Дальнейшие передвижения по городу – только на такси. С другой стороны, если у таксистов здесь навигаторы так же работают – и разориться недолго...

Вероника окинула скептическим взглядом фасад столовой. Не кафе, даже не какой-нибудь ресторанчик быстрого питания, нет – просто столовая. Если бы парень додумался назначить ей свидание в таком месте, Вероника тут же превратилась бы в «абонент временно недоступен». Однако этот «парень» был особенным. И он был ей нужен куда больше, чем она – ему.

«Давайте где-нибудь встретимся?»

«Я никуда не хожу».

«Я могла бы прийти к вам...»

«Терпеть не могу гостей».

Н-да... Заматеревшая версия Тиши, только с клыками побольше. Желтыми, старыми, но все еще острыми и крепкими.

Вероника приложила все свои дипломатические таланты, чтобы добиться права пообедать с Михаилом Федоровичем. Хотела прийти пораньше, но из-за «восстания машин» в отдельно взятом навигаторе успела тютелька в тютельку.

«Запишите адрес. В три часа я там обедаю, это занимает двадцать минут».

Казалось, что мысленно бывший следователь добавил: «И это единственные двадцать минут в сутках, когда я не хочу убивать людей».

Вероника набрала номер Фомина, услышала раздражающую трель и, не став дожидаться, пока записанный голос предложит ей оставить сообщение, нажала на сброс. «Когда я ем – я глух и нем», да? Ладно.

Выдохнув, Вероника вошла в столовую. Внутри оказалось неожиданно просторно и уютно. Люди толпились у линии раздачи, складывая себе на подносы тарелки, забитые снедью. Почти все столики были заняты. Оглядываясь, Вероника расстегнула куртку. Нашла взглядом вешалку – живого места нет. Ладно... Ну и как тут искать Михаила Федоровича? Если он не изволит выходить на связь.

Теоретически Веронике ничего не стоило, как героине идиотского фильма, признающейся в любви, закричать на

всю столовую: «Минуточку внимания! Сегодня здесь обедает особенный человек. Двадцать пять лет назад он расследовал серию жестоких убийств!» Но это, безусловно, был самый крайний вариант, и вряд ли он добавил бы Михаилу Федоровичу желания поделиться воспоминаниями.

Заприметив одиноко сидящего мужчину, Вероника подошла к нему.

– Добрый день, – заискивающе улыбнулась она.

Главное – ни в коем случае не «врубить профессионалку». Мужик – бывший следак. Если он хотя бы заподозрит, что ее интерес выходит за рамки семейной хроники, волшебная дверца в страну чудес закроется навеки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.